

С. ПРОКОФЬЕВА
ПО СЛЕДАМ
ФРАНКЕНШТЕЙНА
И ДРУГИЕ УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ

БОЛЬШАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Роберт Льюис Стивенсон
Мэри Уолстонкрафт Шелли
Оскар Уайльд
Сельма Лагерлёф
Оноре де Бальзак

По следам Франкенштейна
и другие ужасные истории
Серия «Большая страшная книга»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63441163

*По следам Франкенштейна и другие ужасные истории / свободный
пересказ С. Прокофьевой: АСТ; Москва; 2020*

ISBN 978-5-17-132811-5

Аннотация

В книге «По следам Франкенштейна и другие ужасные истории» собраны самые страшные, самые жуткие произведения мировой классики в свободном пересказе известной сказочницы Софьи Прокофьевой. Это «Франкенштейн» по роману М. Шелли, «Портрет Дориана Грея» по роману О. Уайльда, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» по роману

Р. Стивенсона и другие. Эта книга для ребят, которые любят страшные истории!

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Франкенштейн	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	51
Глава 18	54
Глава 19	56
Глава 20	58
Глава 21	61
Шагреновая кожа	68

По следам Франкенштейна и другие ужасные истории

Франкенштейн По роману М. Шелли

Глава 1

Я родился в Женеве. И первые годы жизни я странствовал вместе с родителями сначала по Италии, потом мы переехали в Германию. Нежные ласки матери, добрый взгляд и улыбки отца – таковы мои первые воспоминания. Я был их игрушкой, их божком – но, вернее, я был их бесценным (драгоценным) ребенком, посланным им Небесами.

Мои родители обожали друг друга, но у них оставался еще неисчерпаемый запас любви, изливавшийся на меня. Вспоминая свое детство, я вижу его как бы насквозь пронизанным солнцем.

Моей матери очень хотелось иметь дочь, но долгое время я оставался их единственным ребенком. Когда семья уже окончательно переехала в Женеву, они провели неделю на берегу озера Комо.

Во время одной из прогулок их внимание привлекла необычайно убогая хижина, где все говорило о крайней нищете ее обитателей. И вот там, окруженную пятью голодными детишками, они увидели маленькую девочку, которая казалась существом какой-то иной породы. Четверо оборвышей были черноглазы и крепки, а эта девочка была тоненькая и белокурая. Волосы из чистого золота венчали ее голову, как корона. У нее был чистый лоб, ясные синие глаза, а лицо такое нежное и прелестное, что, казалось, оно отмечено печатью небесного рождения.

Мать ее умерла при родах, отец моряк не вернулся из дальнего плавания. Крестьяне, ее приемные родители, нежно любили прелестную сиротку. Но, когда мои родители решили ее взять, они быстро договорились с нищими крестьянами, обещав им позаботиться об их мальчуганах.

Вскоре Элизабет, так звали девочку, переехала к нам и стала всеобщей любимицей. Она стала моей обожаемой подругой. Я относился к ней с благоговейной привязанностью. Я стал считать Элизабет своей сестрой, порученной мне свыше, чтобы я ее защищал и лелеял.

Мы воспитывались вместе, и различия в наших характерах только сближали нас. Элизабет была спокойнее и мягче, зато я, при всей своей необузданности, обладал большим упорством и неутолимой жадой знаний. Ее пленяли воздушные замыслы поэтов. Она любовалась роскошными пейзажами, окружавшими наш прекрасный швейцарский дом.

Она казалась принцессой в саду, полном цветов, на берегу прохладного озера.

В то время, как моя подруга с наслаждением созерцала внешнюю красоту мира, я любил исследовать глубинную причину вещей. Мир представлялся мне тайной, которую я стремился постичь. Нрав у меня был буйный, и страсти, порой, овладевали мной всецело.

Глава 2

А вскоре появился и другой брат, прелестный малыш, которого Элизабет и я нежно полюбили. И уж, конечно, нельзя не вспомнить о соседском мальчишке Анри Клервале, с которым меня связала самая тесная дружба. Он обладал живым воображением, сам сочинял героические поэмы, и воображал себя одним из рыцарей короля Артура. Наша жизнь состояла из бесчисленных радостей и увлечений, а Элизабет озаряла наши игры, подобно алтарной лампаде. Ее присутствие смягчало мои порывы, передавая мне частицу ее кротости.

Естествознание – моя пагубная страсть, которая впоследствии стала моей судьбой.

Однажды, когда мне было тринадцать лет, мне случайно попал в руки томик сочинений Корнелия Агриппы. Я открыл его с равнодушием, но теория и удивительные факты, которые он описывал, вскоре привели меня в восхищение.

Меня, словно бы, озарил новый свет, полный неожиданности и сокровищ, и я рассказал отцу о своем открытии. Тот небрежно взглянул на заглавие и сказал: «А, Корнелий Агриппа! Милый Виктор, не трать время на подобные пустяки».

Если бы тогда вместо этого беглого замечания отец взял на себя труд объяснить мне, что учение Агриппы полностью

опровергнуто, что его сменила новая научная система, более основательная и глубокая, – ибо идеи Агриппы были прозрачными, тогда как новая система оказалась реалистичнее и плодотворнее. Тогда я, несомненно, отверг бы Агриппу и с усердием обратился бы к новым знаниям. Скорее всего, мои мысли никогда не получили бы того рокового импульса, который в конце концов привел меня к гибели. Но я с жадностью продолжил чтение.

Вернувшись домой, я первым делом раздобыл все сочинения моего кумира, а затем Парацельса и Альберта Великого. Я с наслаждением изучал их безумные и губительные вымыслы; они казались мне сокровищами, мало кому известными, кроме меня. Я увидел укрепления, преграждавшие человеку вход в цитадель природы. А тут были книги, проникавшие глубже, и люди, знавшие больше. Я во всем поверил им на слово и сделался их преданным учеником. Страсть исследователя сочеталась у меня с доверчивостью ребенка. И вот, под руководством новых наставников, я с величайшим усердием принялся за поиски философского камня и жизненного эликсира. Какая слава ждала бы меня, если бы я нашел способ избавить человека от болезней и сделать его неуязвимым.

Мои любимые авторы не скупилась на щедрые обещания научить заклинанию духов или дьяволов. Я с жаром принялся этому учиться.

Глава 3

Когда я достиг 17 лет, мои родители решили отправить меня в университет города Ингольштадта. Уже назначен был день отъезда, но прежде, чем он наступил, в моей жизни произошло первое несчастье, словно предвещавшее все дальнейшее.

Моя любимая Элизабет заболела скарлатиной. Она болела так тяжело, что жизнь ее была в опасности. Моя матушка стала ухаживать за больной, и ее неусыпная забота победила смертельный недуг. Элизабет была спасена, но для ее спасительницы эта жертвенная забота оказалась роковой. На третий день моя матушка почувствовала себя плохо, и высокая температура сопровождалась самыми тревожными симптомами. Скоро стало ясно, что болезнь идет к печальному концу.

Но даже на смертном одре она продолжала думать обо мне и Элизабет. «Дети, – сказала она, – я всегда мечтала о вашем союзе. Это мое заветное желание». Это были ее последние слова, и душа ее отлетела.

Мы все были в отчаянии. И не могли примириться, что навеки угасло сияние любимых глаз. Но мы так любили друг друга, что всеми силами старались утешить и поддержать нашего старого отца, и хоть сколько-нибудь моего маленького брата и дорогую Элизабет.

Мой отъезд в Ингольштадт, отложенный из-за этих печальных событий, был теперь решен снова. Мы засиделись допоздна, и никто не мог произнести неизбежное слово «Прощай». Я бросился на сидение экипажа, уносившего меня от моих любимых, и с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться.

Путь в Ингольштадт был долог и утомителен. Наконец, моим глазам предстали высокие белые шпили города. Меня направили к господину Кремпе, профессору естественных наук. Это был грубоватый человек, но большой знаток своего дела. Он задал мне несколько вопросов и был поражен моими ответами. «И вы в самом деле потратили столько времени на изучение подобного вздора? Боже! В какой же пустыне вы жили, если никто не сообщил вам, что вы увлеклись выдумками и бреднями?»

Я был, конечно, несколько растерян, но ничто не могло поколебать доверия к моим кумирам.

Я стал посещать лекции других профессоров. Наиболее значительными мне показались исследования господина Вальдмана. Свою лекцию он начал с обзора истории химии, и сделанных в ней открытий. Но это были все те же, хорошо известные мне, представители науки, которые, надо признаться, в своем роде, совершали истинные чудеса. Они исследовали природу в ее сокровенных тайниках. Они поднимались в небеса, узнали, как движется в нашем теле кровь, и из чего состоит воздух, которым мы дышим. Они повелева-

ли небесным громом, землетрясениями, и, главное, они проникли в тайны невидимого мира.

Таковы были слова профессора, вернее, слова судьбы, произнесенные на мою гибель. Он затрагивал одну за другой сокровенные струны моей души. «Если столько уже сделано, – думал я, – Уверен, я сделаю больше, много больше, и приобщу человечество к глубочайшим тайнам природы».

В тот же день я посетил дом господина Вальдмана. Я сказал, что его лекции во многом уничтожили мое предубеждение, и теперь я во многом принимаю учение современных химиков.

Он провел меня в свою лабораторию и объяснил назначение различных приборов. Он вручил мне также список книг, с которыми, по его мнению, я обязательно должен был ознакомиться.

Глава 4

С того дня естествознание и, особенно, химия, стали почти единственным моим увлечением. Господин Вальдман стал моим истинным другом и учителем. Благодаря моему увлечению и упорству я, разумеется, добился немалых успехов. Я поражал студентов своим усердием, а своих наставников – глубокими познаниями. Теперь Корнелий Агриппа уже не казался мне столь уже великим ученым. Я надеялся, что новые знания приведут меня к великим научным открытиям.

И, действительно, к концу второго года я придумал некоторые усовершенствования в химической аппаратуре, завоевавшие мне в университете признание и уважение.

Особенно занимало меня строение человеческого и вообще любого живого организма. Где, часто спрашивал я себя, таится жизненное начало? Я особенно тщательно изучал физиологию.

Если бы не моя одержимость, эти занятия были бы тягостны и почти невыносимы. Для исследования причины жизни мне приходилось обращаться к смерти, требовалось наблюдать процесс естественного распада и гниения тела. Боязнь темноты была мне неведома, а кладбище представлялось лишь местом упокоения мертвых тел, которые из обиталищ красоты и силы сделались добычей червей.

Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти, и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет – столь ослепительный, что я, потрясенный, мог только удивляться, почему после стольких гениальных людей, изучавших этот предмет, именно мне выпало открыть великую тайну.

Ценою многих дней и ночей нечеловеческого труда и усилий мне удалось постичь тайну зарождения жизни; более того, – я узнал, как самому оживлять безжизненную материю. И это дано было мне, только мне, Виктору Франкенштейну.

Изумление, охватившее меня, скоро сменилось безумным восторгом. Мое открытие показалось мне столь ошеломляющим, что, ослепленный, я видел лишь конечный результат. Я держал в руках то, к чему стремились высочайшие мудрецы от начала времен.

Получив в свои руки безмерную власть, я долго раздумывал, как употребить ее наилучшим образом.

Теперь я знал, как оживить безжизненное тело, но составить такое тело, во всей сложности сочетания нервов, мышц и сосудов, оставалось задачей невероятно трудной. Я колебался, создать ли себе подобного или же более простой организм. Но успех настолько вскружил мне голову, что я не сомневался, что сумею вдохнуть жизнь даже в существо столь удивительное и сложное, как человек.

И вот я приступил, наконец, к сотворению человеческого существа. Я решил создать гиганта высокого и мощного

сложения. Я думал, как благословит меня множество счастливых созданий, обязанных мне своим рождением.

Теперь мне приходилось рыться в могильной плесени ради оживления мертвой материи. Я собирал кости в склепах, а кощунственной рукой вторгался в сокровеннейшие уголки человеческого тела. Бойня и анатомический театр поставляли мне большую часть материалов, и хотя я часто содрогался от отвращения, но все же вел дело к концу.

Так прошли зима, весна и лето. Но я был так предан своим трудам, что не любовался цветами и свежими листьями. Все, что всегда меня восхищало, теперь стало мне безразлично.

Свою мастерскую я устроил на чердаке, отделенном от всех остальных помещений моего дома, будучи уверен, что никто не сможет ко мне войти. По ночам меня лихорадило, а нервы были так болезненно напряжены, что я вздрагивал от каждого шороха.

Глава 5

Наконец, я решил, что мои труды завершены. С мучительным волнением я собрал все необходимое, чтобы зажечь жизнь в бесчувственном теле, лежавшем у моих ног.

Была полночь, дождь уныло стучал в оконное стекло. И вот в неверном свете газового рожка я увидел, как открылись тусклые, желтые глаза, как существо начало дышать и судорожно подергиваться. Великий Боже!! Он был страшен! Желтая кожа обтягивала его лицо, водянистые глаза ничего не выражали, узкие губы бессвязно шевелились.

И ради этого я лишил себя здоровья и покоя! И вот, когда я окончил свой труд, вся прелесть мечты исчезла, и сердце мое наполнилось несказанным ужасом и омерзением. Не в силах долее смотреть на свое творение, я бросился вон из своей мастерской и принялся в отчаянии метаться по своей спальне. Наконец, измученный усталостью, я рухнул на постель и погрузился в сон, больше похожий на обморок. Я проснулся оттого, что кто-то приподнял полог кровати. В мутном свете луны я увидел гнусного уродя, сотворенного мной. Он протянул руку, словно пытаясь удержать меня, но я вырвался и побежал вниз по лестнице.

Я провел ужасную ночь. Мне казалось, что чудовище настигает меня. К ужасу примешивалась горечь разочарования; то, о чем я так долго мечтал, превратилось теперь в

кошмар. Я бежал по пустынным ночным улицам, стараясь не останавливаться. Иногда, обессилев, я брел неуверенной походкой, не смея оглянуться назад. Так я добрался до постоянного двора и вдруг увидел почтовую карету, показавшуюся в конце улицы. Это был швейцарский дилижанс. Он остановился прямо у дверей постоянного двора. Нельзя описать мою радость, когда я увидел Анри Клерваля, который, завидя меня, тотчас выскочил из экипажа.

– Милый Франкенштейн! Как я счастлив тебя видеть!

Я сжал его руку и, впервые за много месяцев, ощутил светлую радость.

– Ты скажи скорее, как поживают мои братья, отец и Элизабет!

– Они здоровы, и все у них благополучно... Но ты! – с тревогой проговорил он, вглядываясь в мое лицо. – О! Ты худ, бледен, у тебя совершенно больной вид.

Меня снова охватила дрожь. Мы шли по улице, приближаясь к моему дому. Я боялся увидеть чудовище, но еще больше боялся, что его может увидеть Анри. Попросив его подождать несколько минут внизу, я быстро взбежал по лестнице. Я со страхом вошел в свою спальню, но к счастью, она была пуста. Ужасное существо исчезло.

Клерваль поднялся вслед за мной. Но я вдруг пошатнулся и без чувств рухнул на пол. То было начало нервной горячки, на несколько месяцев приковавшей меня к постели.

Я, действительно, был сильно болен, и только неустанная

забота моего друга могла вернуть меня к жизни. Мне то и дело мерещилось сотворенное мной чудище, и я без умолку им бредил. К счастью, Анри счел эти слова бессмыслицей, приписывая их моей тяжелой болезни.

Я поправлялся очень медленно, но наступил день, когда я впервые с удовольствием заметил, что на деревьях появились молодые свежие побеги. Я чувствовал, что в моей груди возрождаются любовь и радость.

– Дорогой Анри! – воскликнул я, – ты спас меня! Чем я могу отблагодарить тебя?

– Ты отблагодаришь меня, если поскорей поправишься, и мы сможем с тобой кое о чем поговорить.

Я вздрогнул. «Поговорить? Неужели я мог рассказать ему о моем чудовище?»

– Успокойся, – сказал Анри, заметив, что я переменялся в лице, – я не собираюсь касаться того, что тебя волнует. Ты устал, ляг и отдохни! А теперь я тебя порадую: вот письмо, которое уже несколько дней ожидает тебя. Оно от твоей кузины.

Глава 6

Клерваль протянул мне письмо.

«Дорогой кузен! Ты был болен, очень болен, и даже частые письма Анри не могли меня успокоить. Ну, теперь выздоравливай и возвращайся к нам. Тебя ждет счастливый домашний очаг и любящая семья. Отец твой бодр и здоров, и ему нужно только одно – увидеть тебя и убедиться, что ты поправился. А как ты порадуешься, глядя на нашего Эрнеста! За ним ухаживает добрая Жюстина. Ты, наверное, помнишь ее, она всегда была твоей любимицей. Однажды ты сказал, что одного ее взгляда достаточно, чтобы развеять твое дурное настроение. Видел бы ты, как под кустом цветущей жимолости сидят рядом Эрнест и Жюстина и читают вместе одну книгу. Какая очаровательная картина! Все наши соседи кланяются тебе и желают наилучшего самочувствия.

Напиши нам, Виктор! Одна строчка, одно слово будут для нас радостью. Тысячу раз спасибо Анри за его доброту и заботу. Прощай, милый кузен, береги себя и пиши нам, умоляю тебя! Твоя Элизабет».

Я написал домой и почувствовал, как они мне дороги и близки. Спустя еще две недели, я уже мог выходить. Когда я был в хорошем расположении духа, природа являлась для меня источником восхитительных ощущений. Ясное небо и зеленеющие поля наполняли меня восторгом. Весна в тот год

в самом деле была дивной: весенние цветы распускались на живых изгородях, летние бутоны – готовились расцвести.

Глава 7

Когда мы с Анри вернулись домой, я нашел следующее письмо от отца: «Дорогой Виктор! Ты, вероятно, с нетерпением ждешь письма. Каково будет тебе, вместо ожидаемой радости, встретить в этом письме только горе и слезы! Но как не поведать тебе о нашем несчастье? Я вынужден причинить боль моему любимому сыну. Я хотел бы подготовить тебя к этому ужасному известию, но это невозможно. Не стало нашего Уильяма, веселого и милого ребенка, согревавшего мое сердце своей улыбкой. Виктор! Его убили!

Не буду пытаться утешить тебя. Просто расскажу, как это случилось. В прошлый четверг я, моя племянница и оба твои брата отправились на прогулку. Вечер был теплый и тихий, и мы зашли дальше обычного. Уже стемнело, когда мы решили возвращаться. Но тут оказалось, что Уильям и Эрнест скрылись из виду. Они играли в прятки. Уильям побежал прятаться, но Эрнест никак не мог его найти.

Нас это очень встревожило, и мы искали его до самой ночи. Когда совсем стемнело, мы стали искать его при свете факелов. Элизабет тоже очень волновалась. Часов в пять я нашел свое дорогое дитя. Он был распростерт на траве, бледный и недвижимый, на шее его отпечатались пальцы убийцы. Элизабет безутешно рыдала. Она повторяла «Боже, я погубила мое милое дитя!» Продолжая рыдать, она рассказала:

«В этот вечер Уильям непременно хотел надеть на шею медальон с портретом матери. Вещица исчезла. Она-то, как видно, и соблазнила убийцу». Мы прилагаем все усилия, чтобы найти проклятого изверга, но пока безнадежно.

Приезжай, дорогой Виктор! Ты один сумеешь утешить Элизабет. Она все время плачет. Ведь это она своими руками надела на шейку Уильяма злосчастный медальон. Приезжай, Виктор! Если б ты знал, как мы ждем тебя. Твой, убитый горем, отец.

Альфонс Франкенштейн».

– Дорогой Виктор, не могу утешать тебя, – сказал Анри, – твое горе безутешно. Каким злодеем надо быть, чтобы погубить невинного малютку. Бедное дитя! Что ты намерен теперь делать?

– Немедленно ехать в Женеву! Пойдем, Анри, закажем лошадей!

Невеселое это было путешествие. Сначала я торопился, желая поскорее обнять своих опечаленных близких, но с приближением к родным местам меня охватило недоброе предчувствие.

Я уже различал вдали светлую вершину Монблана. Однако, подъезжая к Женеве, я по-прежнему оставался во власти горя и страха. Было уже очень поздно, постепенно совсем стемнело. Городские ворота были заперты, и мы не могли въехать в Женеву.

Мы пошли по дороге вдоль озера, по мягкой шелковистой

траве. Мы решили остаться здесь до утра. Анри расстелил дорожный плащ и вскоре уснул. Я смотрел на звезды, и сон ко мне не приходил. Вдруг я различил в темноте фигуру, выступившую из-за ближайших деревьев. В лунном свете я разглядел его: гигантский рост, невысказанный для обычного человека, омерзительная уродливость лица. Я его узнал. Передо мной был мерзкий дьявол, которому я даровал жизнь.

Что он здесь делал? Не он ли был убийцей моего брата? Едва эта догадка мелькнула в моей голове, она тут же превратилась в уверенность. Никто из людей не способен был загубить прелестного невинного ребенка. Убийцей мог быть только он. Чудовище быстро прошло мимо и затерялось во тьме. Никому не понять, какие муки я претерпел в эту ночь под открытым небом.

Рассвело, и я отправился в город. Ворота были открыты. Я поспешил к отцовскому дому. Первой моей мыслью было немедленно отправиться в полицию. Но что я мог сказать? Я подумал, что мой рассказ сочтут за лихорадочный бред. Настолько он был неправдоподобен.

Около пяти часов утра я вошел в отцовский дом. Я велел слугам никого не будить и прошел в библиотеку. Но вскоре туда вошел Эрнест. Он приветствовал меня с грустной радостью.

– Я надеюсь, что твой приезд подбодрит отца; он тает на глазах. И ты сумеешь убедить несчастную Элизабет, что она не виновна в смерти бедного Уильяма. Тем более теперь, ко-

гда преступник обнаружен.

– Обнаружен? Боже! Но это невозможно! Кто мог поймать его? Это все равно, что поймать дикого хищника.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – возразил мой брат, – все обвиняют в убийстве Уильяма нашу соседку Жюстину.

– Как это может быть? – воскликнул я. – Жюстина! Такая добрая, преданная нашей семье, как она могла совершить такое ужасное преступление?

Эрнест так разволновался, что долго не мог говорить. Наконец, он взял себя в руки и рассказал мне.

– Тело бедного Уильяма нашли возле ее дома с темными следами пальцев на шее – его задушили. Но это еще не все. Одна из служанок взяла почистить платье Жюстины, которое было на ней в ночь убийства. В его кармане она нашла миниатюрный медальон с портретом нашей матери. Этих улик оказалось достаточно, и Жюстина – взята под стражу.

В эту минуту в комнату вошел отец. Горе наложило на него глубокий отпечаток, волосы его совсем побелели. Я обнял его со всей нежностью.

– Милый отец! – сказал я, – нет слов, чтобы вас утешить. Но скажу одно – вы заблуждаетесь, Жюстина не виновна.

– Дай бог! – сказал отец слабым голосом. – Я тоже не верю, что она виновна. Суд будет сегодня, и я надеюсь, что ее оправдают.

Что я мог сказать? Если бы я поведал о демоне, которого я создал, все сочли бы мой рассказ больной фантазией.

Вскоре к нам вышла Элизабет. Ее глаза были заплаканы.

– Меня убивает то, что я вчера по просьбе Уильяма своими руками надела на его тонкую шейку цепочку с медальоном, которая его погубила. Но я убеждена в невинности Жюстины. Зная ее добрый, нежный характер, я могу в этом поклясться.

Глава 8

Мы провели несколько томительных часов: в одиннадцать должен был начаться суд. Жюстина держалась с достоинством. Она была в трауре. От искренней скорби лицо ее приобрело особую красоту. Она казалась спокойной, хотя тысячи горожан смотрели на нее с ненавистью, поверив в ее злодеяние. Она пыталась оправдаться, но слова ее звучали неубедительно. О медальоне она вообще ничего не могла сказать. Она не понимала, как он мог попасть в карман ее платья. А речь обвинителя была беспощадной. Стечение обстоятельств говорило против нее. Наконец, выступила Элизабет.

– Если бы вы знали, с какой преданной, жертвенной заботой ухаживала Жюстина за больной госпожой Франкенштейн до самой ее смерти! После этого Жюстина осталась жить в нашем доме и пользовалась всеобщей любовью. Маленький Уильям любил ее, как самую нежную мать. Они были неразлучны. Она читала ему сказки, играла с ним в его любимые игры. Я, не колеблясь, заявляю, что несмотря на все улики против нее, я твердо верю, что она не виновна.

Наконец, голосование состоялось. К нашему ужасу Жюстину осудили на смерть.

Не сумею описать, что я тогда испытал! Никакими словами нельзя передать того безвыходного отчаяния, которое

овладело мной. Я ничем не мог ей помочь и потому должен был молчать. Я знал, что никто не поверит в ту истину, которую я мог бы поведать. Меня лишь сочли бы безумцем. Терзаясь сам, я видел глубокое горе Элизабет, горе отца и всей семьи. И все это было из-за меня.

Глава 9

Как тяжело мне было оставаться в моем родном доме! Ненависть к чудовищу сжигала меня. Я жаждал отнять у него жизнь, которую даровал ему так опрометчиво. Жюстина и Уильям погибли, а убийца остался безнаказанным, он на свободе и может совершить еще не одно ужасное преступление. Я с горечью простился с теми, кого я любил больше жизни и покинул отчий дом.

Я отправился верхом на лошади к долине Шамуни. Потом я нанял мула, куда более выносливого на крутых склонах. Чем выше я поднимался, тем великолепнее становилась природа, меня окружавшая. Развалины замков на кручах, поросших соснами, бурная Арна, текущая по перекатам, и наконец сверкающие вершины могучих Альп, гигантские ледники, великий Монблан – все это являло картину редкой красоты. Но ничто не могло отвлечь меня от тяжелых мыслей, омрачавших мою душу.

Наконец, я добрался до деревни Шамуни. Крайнее телесное и душевное утомление давали о себе знать. Я снял комнату в маленькой гостинице. И едва я опустил голову на подушку, я погрузился тяжелый, мрачный сон.

Глава 10

Время двигалось к полудню, когда я проснулся. Я решил подняться в гору по узкой тропинке. Я устал и уселся на скале, нависшей над бурно текущей рекой. Но меня не оставляла мучительная тревога, ощущение чего-то зловещего, витающего в воздухе.

В этот миг я увидел человека, приближающегося ко мне с невероятной быстротой. Он без труда перепрыгивал через глубокие горные трещины. Но вот он оказался совсем рядом, и я узнал в нем (о, ненавистное зрелище!) сотворенного мной негодяя. Его лицо выражало горькую муку, и вместе с тем злобное презрение. Он был чудовищно уродлив и отвратителен.

– Дьявол! – вскричал я. – Как смеешь ты приблизиться ко мне? Прочь, гнусная тварь!

– Я ожидал такого приема, – сказал демон. – Людям свойственно ненавидеть несчастных. Я несчастнее всех живущих. Поэтому ты так ненавидишь меня! Я знаю, ты намерен убить меня, но как смеешь ты так играть с жизнью, созданной тобою же? Если ты примешь мои условия, я оставлю всех вас в покое, если же откажешься, я всласть напою Смерть кровью твоих близких.

– Ненавистное чудовище! Дьявол во плоти! Мук ада недостаточно, чтобы ты искупил свои злодеяния, проклятый! – я

в гневе замахнулся на него, но он легко уклонился от моего удара.

– Успокойся! Заклинаю тебя, выслушай то, что я должен сказать! Ты наделил меня силой, превосходящей твою. Я выше ростом и подвижней в суставах, но я не стану с тобой бороться. Я – твоё создание и готов покорно служить своему господину. Только ты должен выполнить мои условия. Я должен был быть твоим Адамом, а стал падшим ангелом, которого ты безвинно отлучил от всякой радости. Я вижу счастье, но мне оно не достается. Я был кроток и добр – несчастья превратили меня в злобного демона. Сделай меня счастливым, и я снова стану добродетелен.

– Прочь! Я не хочу тебя слушать. Мы – враги!

– Как мне тронуть твоё сердце? Поверь, Франкенштейн, я был добр, душа моя горела любовью к людям: но ведь я одинок, одинок безмерно! Даже у тебя, моего создателя, я вызываю лишь отвращение. Чего же мне ждать от других людей? Они меня гонят и ненавидят. Пойдем, Франкенштейн, укроемся в горной хижине и, прежде чем солнце скроется за горами, ты все узнаешь обо мне и тогда рассудишь. От тебя зависит решение – удалиться ли мне подальше от людей навсегда и никому не причинять вреда или сделаться бичом человечества и погубить, прежде всего, тебя самого.

С этими словами он зашагал по леднику. Я был слишком взволнован и ничего ему не ответил. Но по дороге, все обдумав, я решил выслушать его повесть. Я впервые осознал

долг создателя перед своим творением и решил узнать, как он пришел к своим злодеяниям. Мы поднялись так высоко, что нас окружали лишь ледяные стены. Было холодно. Начался дождь, который вскоре перешел в снег. Признаюсь, я даже обрадовался, увидев небольшую хижину на склоне горы. Мой ненавистный спутник развел огонь в очаге. Я уселся на груды поленьев, и демон начал свой рассказ.

Глава 11

Первые мгновения моей жизни предстали передо мной в каком-то тумане. Я стал видеть, чувствовать, слышать и воспринимать запахи – и все это одновременно. Мир окружил меня фантастическими образами. И только через некоторое время в моих чувствах произошло прояснение. Прежде всего, реально я ощутил голод и жажду. Они вывели меня из оцепенения. Я поел ягод, висевших на кустах, и утолил жажду водой из ручья. После этого я лег и уснул.

Еще у тебя в доме, ощутив холод, я накинул на себя кой-какую одежду. Я был жалок, беспомощен и несчастен. Скоро небо осветилось мягким светом, и это меня обрадовало. Какое-то светило всходило медленно и озаряло все вокруг.

Мучимый холодом, я наткнулся на костер, оставленный какими-то бродягами, и с восхищением ощутил его тепло. Я радостно протянул к нему руки и тут же отдернул их с криком. Я обнаружил, что там горят сучья. Когда наступила ночь, я испугался, что мой костер погаснет. Я бережно укрыл его сухими сучьями и листьями, потом улегся рядом на землю и уснул.

Добывать пищу было очень трудно. Иногда я тратил целый день на поиски горстки желудей.

Однажды утром я заметил на пригорке убогую хижину. Я заглянул в открытую дверь. Возле огня сидел старик и гото-

вил себе пищу. Увидев меня, он дико закричал и опрометью выбежал из хижины. Я с жадностью проглотил все, что было на столе: куски хлеба, сыра и молоко, хранившееся в глиняном кувшине. Тут же, в углу, я нашел кожаную суму, куда я положил остатки жалкого завтрака.

К закату я достиг деревни, расположенной у подножия горы. Едва я вошел в ближайший дом, как дети, сидевшие вокруг стола, оглушительно закричали. Еще громче закричала женщина, обнимавшая детей. Это всполошило всю деревню. Мужчины бросились на меня, швыряя в меня камнями и палками. Я в страхе бросился бежать, пока не увидел жалкую лачугу, которая примыкала к небольшому чистенькому домику. Я не решился войти в дом и скрылся в лачуге. Пол там был не деревянный, а земляной, ветер дул в бесчисленные щели. Но после дождя и снега мне показалось здесь тепло и уютно.

Пристройка прилепилась к задней стене дома. Хозяев не было видно. Я зашел в домик и украл кусок хлеба и остатки сыра. Осмотрев свое прибежище, я обнаружил, что одна из досок, отделяющих жалкую лачугу от чистенького домика, висит на одном гвозде. Я отодвинул ее и теперь смог разглядеть в эту щель маленькую, опрятную комнатку. Вдруг я задрожал от страха – по ступенькам в комнату вошла молодая девушка, бережно поддерживая слепого старика. Она ласково усадила его на скамью, обложила его подушками. Следом в комнату вошел стройный юноша с вязанкой дров на пле-

чах. Девушка встретила его нежным поцелуем.

Я испытал одновременно радость и боль, доселе мне не ведомую. Столько нежности и любви, незнакомой мне, выражало лицо прелестной девушки. Они сели за трапезу. Девушка принесла из огорода какие-то коренья и овощи, положила их в воду и поставила на огонь. Это было прекрасное зрелище. С какой заботой и нежностью она смотрела на седого старика. Что-то сжало мне горло. Больше я не мог на это смотреть. Я задвинул доску, отошел от стены, лег на соломенную подстилку и закрыл глаза.

Глава 12

Я лежал на соломе, но долго не мог уснуть. Кроткий вид этих людей поразил меня. Я вспомнил, как накануне жестокие поселяне кидали в меня острыми камнями. И решил пока не выходить из своего укрытия.

Обитатели домика поднялись раньше солнца. Девушка принялась за уборку и приготовление пищи, а юноша ушел трудиться в поле. Я догадался, что они бедны, бедны до крайности. Нередко они ставили перед стариком еду, ничего не оставляя для себя. Эта доброта тронула меня.

Вскоре я понял, что эти люди умеют сообщать друг другу свои мысли и чувства с помощью отдельных звуков. Прожив в своей лачуге несколько лунных месяцев, я стал понимать названия некоторых предметов: огонь, молоко, хлеб, дрова. Узнал я также и имена обитателей дома. Юношу звали Феликс, прелестную девушку Агата. Зимой они часто садились рядом и открывали большую книгу и, рассматривая знаки на страницах, произносили слова, некоторые из которых, мне уже были знакомы. Я видел, что мелкие знаки на страницах понятны им, и я жаждал их постичь.

С некоторых пор каждая беседа обитателей дома открывала мне глаза на человеческие отношения. Я видел, как любят они друг друга, как бережно заботятся о слепом отце.

Зло было мне еще чуждо. А примеры доброты и велико-

душия постоянно находились у меня перед глазами.

Проходило время. Наступила зима. Природа совершила полный круговорот. Ни одного нищего не прогоняли они от своих дверей. С каждым делили последний кусок хлеба. Теперь все мои помыслы были обращены на то, как бы мне показаться обитателям дома. В конце концов, я решил войти туда, когда слепой старец останется там один. Наступил ясный солнечный день, когда Агата и Феликс отправились на долгую прогулку.

Сердце мое сильно билось, ибо пришел час испытания, и я надеялся, что мне удастся внушить теплое чувство к себе этому благородному старцу. Я постучал в дверь домика.

– Кто там? – откликнулся старик. – Войдите!

Я вошел.

– Прошу простить меня за вторжение, – сказал я. – Я прошел долгий путь и хотел бы немного отдохнуть.

– Проходите, пожалуйста, – ответил старик. – Вот только жаль, что нет моих детей дома. Я слеп. Они лучше могли бы накормить вас и дать вам добрые советы.

– Не утруждайте себя, мой добрый хозяин. Мне нужно лишь обогреться и отдохнуть.

Я сел. И наступило молчание. Я так волновался, что не знал, с чего начать разговор. Но тут старик сам обратился ко мне:

– Куда вы держите путь? – спросил он.

– Я существо одинокое и несчастное. На всем свете у меня

нет ни родственника, ни друга. Добрые люди, к которым я иду, никогда меня не видели. Мне страшно; если они меня отвергнут, то я навсегда буду отщепенцем.

– Не отчаивайтесь. Одиночество, действительно, несчастье. Но сердца людей полны братской любви и милосердия. Надейтесь! Если это добрые люди, вам не стоит терять надежды.

– Они добры, но, к несчастью, настроены против меня. У меня кроткий нрав, и я никому не причинил еще зла, но эти люди ослеплены роковым предубеждением, видя во мне только отвратительного уроды.

– Это печально, но если вас, действительно, не в чем упрекнуть, то нельзя ли их убедить не обращать внимания на вашу внешность.

– Я попытаюсь это сделать, но не уверен, что мне что-то удастся, потому-то меня и томит страх. Я нежно люблю своих друзей, хотя никогда их не видел.

– Где они живут?

– Неподалеку отсюда.

Старик помолчал и потом продолжил:

– Я слеп и не вижу вас, но что-то в ваших словах убеждает меня, что говорите вы искренне. Я всего лишь бедняк, но для меня будет истинной радостью оказать услугу ближнему.

– Добрый человек! Вашим благородством вы поднимаете меня из праха. Я верю, что с вашей помощью я не буду отлучен от человеческого общества.

– Упаси Боже! Будь вы даже преступником, отлучение довело бы вас до отчаяния, но не обратило бы вас к добру.

– Как мне благодарить вас, мой единственный благодетель? Я начинаю верить, что встречу хороший прием у друзей.

– Позвольте узнать их имена, и где они живут.

Я умолк. Вот она, решительная минута. Напрасно я пытался ответить ему. Волнение лишило меня последних сил. Я закрыл лицо руками и разрыдался. В это время послышались шаги и голоса Феликса и Агаты. Нельзя было терять ни минуты. Схватив руку старика, я воскликнул:

– Час настал. Защитите и спасите меня! Не оставляйте меня в этот час испытаний!

– Боже, кто же вы такой?

Тут дверь распахнулась, и вошли Феликс и Агата. Кто опишет их ужас при виде меня? Бедная девушка с криком выбежала вон. Феликс бросился ко мне и оттолкнул меня от старика, чьи колени я обнимал. Он яростно опрокинул меня на землю и сильно ударил палкой. Я бы мог разорвать его на куски, но мое сердце сжала смертельная тоска, и я удержался. Он приготовился повторить удар, но тут я, не помня себя от горя, бросился вон из дома и посреди общего смятения успел скрыться среди деревьев.

Глава 13

О, проклятый, проклятый мой создатель! Зачем я остался жить? О, какую страшную ночь я пережил! Остаток дня я все-таки провел в своем сарае, погруженный в тупое отчаяние. Мои покровители собрали свои жалкие пожитки и уехали. Они порвали единственную связь, соединявшую меня с миром. Моя душа наполнилась ненавистью и жаждой мести. Все мои помыслы обратились на разрушение и смерть. Я обложил дом дровами, ветками и соломой. Я поджег сухую ветку и заплясал вокруг обреченного дома с громким криком: «Я поджег, собранную мной солому, вереск и ветки кустарника». Скоро весь дом окутался пламенем, лизавшим его губительными языками.

Передо мной был открыт весь мир, но где я найду свой приют? Ты, мой создатель, упоминал Женеву как свой родной город. Вот туда я и решил отправиться.

Путешествие мое было долгим, и я испытал невыносимые страдания. Природа вокруг меня увядала, дождь превратился в снег, водоемы замерзли. Я не мог найти себе пищу. Как я дождался весны, остается для меня загадкой. Однако, мой трудный путь подходил уже к концу. Через два месяца я достиг окрестностей Женевы. Я был подавлен усталостью и голодом. Я чувствовал себя слишком несчастным, чтобы наслаждаться свежестью вечернего ветерка. Я забрался в за-

росли какого-то душистого растения и забылся легким сном. Но вскоре он был нарушен появлением прелестного ребенка, вбежавшего в мое укрытие. О, если бы мне удалось сделать его своим товарищем и другом! Я не был бы так одинок на этой земле.

Я поймал мальчика, когда он пробежал мимо меня, и прижал к себе. Но он, взглянув на меня, издал пронзительный крик. Я провел рукой по его волосам и сказал: «Мальчик, зачем ты кричишь? Я тебя не обижу».

Он отчаянно забился, пытаясь вырваться.

– Пусти меня! – кричал он, – Урод! Мерзкий урод! Пусти меня, а не то я скажу папе.

– Мальчик, ты должен пойти со мной, – сказал я.

– Гадкое чудище! Пусти меня! Мой папа судья Франкенштейн. Он тебя накажет. Ты не смеешь меня держать!

«Франкенштейн! Ты, значит, принадлежишь к роду моего врага, которому я поклялся вечно мстить. Так будь же моей первой жертвой!»

Мальчик продолжал бороться, бранить меня и кричал все громче. Я сжал его горло, чтобы он замолчал, и вот он уже лежал мертвым у моих ног.

Я увидел на его груди что-то блестящее. Я взял вещицу в руки. Это был медальон, и в нем портрет прекрасной женщины. Несколько мгновений я восхищенно вглядывался в темные глаза, окаймленные длинными ресницами. Но я знал, будь она живая, стоило ей только взглянуть на меня, выра-

жение божественной доброты сменилось бы у нее испугом и отвращением. Подавленный этими чувствами, я покинул место убийства. Я вошел в какой-то сарай, думая, что там никого нет. На соломе спала женщина, цветущая юностью и здоровьем. «Вот, – подумал я, – одна из тех, кто дарит нежные улыбки всем, кроме меня».

Эта мысль разбудила во мне дьявола: «Пусть пострадает она, а не я. Пусть она поплатится за убийство, которое совершил я». Я склонился над ней и спрятал медальон в складках ее платья. Она даже не шевельнулась, и я убежал.

Несколько дней я бродил возле места, где я убил твоего брата, и не мог покинуть Женеву, не получив твоего согласия на мое требование.

Глава 14

Чудовище умолкло и вперило в меня взгляд. Я стоял ошеломленный, а демон продолжал:

– Ты должен создать для меня женщину, с которой мы могли бы жить, питая друг к другу привязанность. Это можешь сделать для меня только ты. Я вправе требовать этого, и ты не можешь мне отказать.

Последние его слова с такой силой возбудили мой гнев, что я был не в силах совладать с собой.

– Я отказываюсь. И не надейся! – воскликнул я. – И никакие пытки не вырвут у меня согласия. Ты можешь сделать меня самым несчастным из людей, но никогда не заставишь меня создать еще одно, подобное тебе существо, чтобы вы вместе опустошали мир. Прочь от меня!

– Ты несправедлив. Почему я должен щадить человека больше, чем он меня? Ты сам, мой создатель, с радостью растерзал бы меня. Если бы человек жил со мной в согласии и дружбе, я осыпал бы его всеми возможными дарами и со слезами благодарил его только за то, что он принимает их. Но это невозможно. Человеческие чувства создают непреодолимую преграду. Я не могу смириться с этим, как презренный раб. Я отомщу за свои обиды. Я клянусь обрушить неугасимую ненависть на тебя, моего создателя. Берегись! Я сделаю все, чтобы тебя уничтожить. Ты проклянешь час своего рож-

дения.

Эти слова он произнес с дьявольской злобой. Однако, вскоре он успокоился и продолжал:

– Если бы кто-нибудь отнесся ко мне с лаской и снисхождением, я бы удовольствовался этим. Пусть мы будем уродами, отрезанными от мира, но благодаря этому, мы еще сильнее привяжемся друг к другу. Наша жизнь не будет счастливой, но она будет чиста и свободна. Сделай это для меня, позволь почувствовать благодарность к тебе за эту единственную милость!

Я был тронут. Я сознавал, что в доводах демона есть нечто справедливое. Не я ли, его создатель, обязан наделить свое детище частицей счастья?

Он заметил перемену в моем настроении и продолжал:

– Если ты согласишься, то ни ты, ни какое-либо другое человеческое существо никогда нас больше не увидит. Мы удалимся в обширные пустыни Южной Америки. Я вижу в твоих глазах сострадание. Обещай мне дать то, чего я так горячо желаю. Клянусь землей, на которой я живу, и тобой, моим создателем, что вместе с подругой, которую ты мне дашь, я удалюсь от людей и удовольствуюсь жизнью в самых пустынных местах.

Его слова пробудили жалость и желание утешить чудовище.

– Ты клянешься не приносить вреда людям? – с сомнением сказал я. – Как знать? Быть может, все это одно лишь

притворство для осуществления своей мечты?

– Ах, вот ты как! – воскликнуло чудовище. – Со мной нельзя шутить! Я требую, чтобы ты выполнил мое условие!

Я подумал о добрых задатках, которые обнаруживались у него в начале его жизненного пути и о том, как все хорошее, что было в нем, уничтожено отвращением и презрением людей. И я подумал, что совесть требует, чтобы я согласился на его просьбу. Обратясь к нему, я сказал:

– Я исполню твое желание. Но ты должен дать клятву, что навсегда покинешь Европу, как только получишь от меня женщину, которая разделит с тобой изгнание.

– Клянусь! – воскликнул он. – Исполнив мою просьбу, ты больше меня не увидишь! Возвращайся домой и приступай к работе! Я стану следить за тобой. И будь уверен, как только все будет готово, я появлюсь.

Произнеся эти слова, он покинул меня, словно боясь, что я могу передумать.

Глава 15

Шли день за днем, неделя за неделей, однако, я все не мог набраться мужества и приступить к работе. Но свежий воздух и яркое солнце в какой-то степени восстанавливали мой душевный покой. По возвращении я отвечал на приветствия близких веселее и не так натянуто. Однажды отец обратился ко мне со следующими словами:

– Сознаюсь, я всегда смотрел на твой брак с нашей милой Элизабет как на завершение нашего семейного благополучия и опору для меня в старости. Может быть, ты относишься к ней, как к сестре, и не имеешь ни малейшего желания сделать ее своей женой? Более того, возможно, ты встретил другую девушку и полюбил ее? Скажи мне откровенно.

– Дорогой отец, успокойтесь! Я люблю свою кузину нежно и искренно. Мои надежды на будущее и все мои планы связаны с нашим столь желанным предстоящим союзом.

– Твои слова, милый Виктор, доставляют мне радость, которую я давно уже не испытывал. Зачем же откладывать дальше вашу свадьбу? В последнее время на нас обрушились такие несчастья, а твой брак с Элизабет внес бы в нашу жизнь новый свет надежды.

Я молча выслушал отца и в течение некоторого времени не мог произнести ни слова. Множество мыслей пронеслось в моей голове. Я боялся думать о союзе с Элизабет. Ведь я

был связан клятвенным обещанием, которое еще не выполнил и которого не смел нарушить. Мог ли я праздновать свадьбу, когда на шее у меня висел смертельный груз, тянувший меня к земле. Я должен был дать возможность чудовищу скрыться вместе с его подругой, прежде чем смог бы насладиться счастьем союза с любимой Элизабет. Кроме того, мне претила мысль вершить свой омерзительный труд в доме моего отца. Я сознавал, что порой меня будут посещать мучительные чувства, которые мне будет трудно скрывать от моих близких. Но если я выполню обещанное, чудовище удалится навеки, и я обрету покой. С этими чувствами я ответил отцу:

– Мне надо сначала посетить Англию. На это у меня серьезные причины. Моя поездка продлится всего несколько месяцев.

И мой добрый отец согласился. Он договорился с Клервалем, что тот присоединится ко мне в Страсбурге. Это не мешало уединению, к которому я стремился для выполнения своего обязательства. Но я понимал, что присутствие Анри поможет мне избежать долгих часов одиноких раздумий, способных свести с ума.

Итак, я отправился в Англию, и было решено, что мой брак с Элизабет совершится немедленно по моем возвращении. Я сел в дорожный экипаж, едва сознавая, куда отправляюсь, совершенно равнодушный к тому, что происходит вокруг.

Наконец, я прибыл в Страсбург, где два дня меня уже дожидался Клерваль. Увы! Какой контраст составляли мы между собой! Клерваль был переполнен радостью, созерцая красоту природы. Он обращал мое внимание на сменяющиеся краски ландшафта и неба. Клерваль умел чувствовать природу и восхищаться ею. А я – несчастное существо, надо мной тяготело проклятие, закрывавшее для меня все пути к радости. Мы решили спуститься по Рейну до Роттердама и оттуда продолжить путь морем в Англию.

Наконец, нашим взорам открылись бесчисленные шпили Лондона и возвышающийся надо всем купол св. Павла и знаменитый Тауэр.

Глава 16

Мы решили провести в Лондоне несколько месяцев. Если бы это путешествие было бы предпринято в счастливые дни моего учения, оно доставило бы мне невыразимую радость. Но, между мной и другими людьми возникла стена, скрепленная кровью Уильяма и Жюстины. Воспоминания о событиях, связанных с их именами, были для меня тяжелой мукой.

Вскоре по прибытии в Лондон мы получили письмо из Шотландии от одного человека, который прежде бывал нашим гостем в Женеве. Он упорно настаивал на нашей поездке в Шотландию, и, поддавшись на его уговоры, вскоре мы отправились в Эдинбург.

Мы неделю прожили в Эдинбурге, но потом я объявил Клервалю о своем желании совершить дальнейшую поездку по Шотландии в одиночестве.

– Оставь меня на некоторое время одного, и, когда мы встретимся вновь, я надеюсь быть веселее и более под стать тебе.

Расставшись с Анри, я решил найти какое-нибудь уединенное место в Шотландии и там, в одиночестве, завершить свой труд. Я не сомневался, что чудовище следует за мной по пятам, и, как только я закончу работу, явится, чтобы получить свою подругу. Я выбрал для работы один из дальних Оркнейских островов. Это было подходящее место для по-

добного дела – высокий неприступный утес, о который постоянно бились волны.

На этом острове было всего лишь три жалких хижины. Одна из них пустовала, когда я прибыл. Эту хижину я и снял. В ней было всего две комнаты, и она казалась чрезвычайно убогой. Я распорядился починить крышу, купил кой-какую обстановку и, не опасаясь никаких любопытных взглядов и помех, поселился там. Утренние часы я посвящал работе, в вечернее время я позволял себе совершить прогулку по каменистому берегу моря. Я думал о Швейцарии. Как не похожа она на этот неприветливый, угрюмый ландшафт. Но работа становилась для меня все более страшной и тягостной. Иногда я не мог даже заставить себя войти в лабораторию. А, бывало, что, стремясь закончить все поскорее, я работал днем и ночью.

И, действительно, занятие было отвратительное. Во время первого эксперимента меня ослепляло некоторое восторженное безумие, но теперь я шел на все это по принуждению и нередко чувствовал глубочайшее омерзение. Тем не менее, я продолжал работу, и она уже значительно продвинулась. Я ожидал ее окончания с трепетной нетерпеливой надеждой, которая, однако, смешивалась с мрачными предчувствиями беды.

Глава 17

Однажды вечером я сидел в своей лаборатории. Солнце зашло. Света было недостаточно для работы. Я сидел и размышлял. За три года я создал дьявола, чьи злодеяния растерзали мне душу. А теперь я создаю другое существо, и оно может оказаться в тысячу раз злее своего друга. Ведь она не давала клятвы, как он, покинуть места, населенные людьми. Она может не согласиться выполнить уговор, заключенный до ее создания.

Тут, подняв глаза, при свете луны я увидел демона, заглядывающего в окно. Да, он следовал за мной и следил за созданием своей подруги.

Лицо его выдавало крайнюю степень злобы и отчаяния. Дрожа от гнева, я начал ломать на куски почти готовое тело, над которым трудился. Увидев это, демон с воплем безумной ярости мгновенно исчез.

Прошло несколько часов, и вдруг я услышал скрип открываемой двери. Послышались шаги в коридоре, и демон появился на пороге.

– Ты уничтожил начатую работу и нарушил данное обещание! Ты обманул мои надежды!

– Убирайся прочь! Я никогда не создам еще одно существо, такое же безобразное и жестокое.

– Раб! – закричал демон, оскалив свои длинные зубы. –

Я сделаю тебя жалким и разбитым. Ты мой создатель, но я твой господин. Покорись!

– Решение мое непоколебимо. Твои слова только усиливают мою уверенность.

Чудовище стиснуло руки в бессильной злобе.

– Каждый мужчина, – воскликнул он, – находит себе жену, каждый зверь имеет самку, а я должен быть одинок! Но, берегись! Твои дни будут полны страха и горя. Я буду подкарауливать тебя с хитростью змеи, чтобы смертельно ужалить.

– Довольно, дьявол! Оставь меня навсегда!

– Я уйду, – прошипело чудовище, – но, запомни: «Я буду с тобой в твою брачную ночь».

Через мгновение я увидел его в лодке, рассекающей морскую воду. Я остался один, дрожа от мысли, кто может стать его следующей жертвой? С содроганием я вспоминал его слова: «Я буду с тобой в твою брачную ночь».

Я в отчаянии бродил по берегу моря. Ясную луну вдруг закрыло густое облако. Воспользовавшись темнотой, я вынес корзину из дома и поставил ее на корму. Я отплыл подальше от берега и выбросил корзину с обломками моего труда прямо в воду. Я услышал странное бульканье, как будто эти осколки хотели мне что-то сказать. Измученный, я уснул прямо в лодке. Когда я проснулся, безумный страх охватил меня. Я подумал об Элизабет, о моем отце, о Клервале. Ведь чудовище могло обратить на них свою безумную жестокость. Я стал править к берегу. Наконец, из-за мыса показались

башни города.

Пока я привязывал лодку, вокруг меня собралось несколько человек.

– Добрые друзья, – сказал я, – помогите мне! Я крайне измучен.

Но никто мне не ответил. Я увидел только хмурые недобрые лица. Между тем, толпа все увеличивалась. Я спросил дорогу в гостиницу, но никто мне не ответил. Какой-то человек подошел ко мне, ударил меня по плечу и сказал:

– Следуйте за мной, сэр, к мистеру Кирвену. Там во всем отчитаетесь.

Глава 18

Меня привели к судье, добродушному на вид человеку, со спокойными и мягкими манерами. Меня обвинили в убийстве и повели в комнату, где лежал покойник. Какими словами описать мои чувства, когда меня подвели к гробу. Я увидел безжизненное тело Клерваля.

– Клерваль, мой друг, мой благодетель! – вскричал я и упал без чувств на пол.

К сожалению, нашлись свидетели, обвинявшие меня в убийстве. Это были местные жители – рыбачка и ее сын. Они утверждали, что последними видели нас вдвоем, после этого был найден еще теплый труп Клерваля.

Два месяца провел я в тюрьме. Однажды в камеру вошел мистер Кирвен, и вместе с ним мой отец. Ничто на свете не могло доставить мне большей радости.

– Так, значит, вы живы, и Элизабет, и Эрнест!

Вскоре обвинение с меня было снято. Было доказано, что в тот час, когда был обнаружен труп моего друга, я находился на Оркнейских островах. И через две недели я был освобожден из тюрьмы. Отец был счастлив, что с меня снято обвинение, и я мог свободно дышать вольным воздухом. Он уговаривал меня скорей вернуться на родину. Но чаша моей жизни была отравлена навеки.

Он говорил со мной об Элизабет и об Эрнесте. Но в ответ

на его слова лишь глубокие вздохи исторгались из моей груди. Наконец, я все-таки решился. По дороге в Женеву мы на несколько дней остановились в Париже.

Глава 19

Незадолго до отъезда из Швейцарии я получил письмо от Элизабет:

«Дорогой друг, я надеюсь увидеть тебя через каких-нибудь две недели. Какое-то чувство подсказывает мне, что ты болен. Но я надеюсь тебя исцелить. Меня томят тяжкие сомнения. Скажи мне, милый Виктор, с полной искренностью, не любишь ли ты другую? Но, надеюсь, что это лишь мои ложные сомнения в тебе. Признаюсь, что люблю тебя и в мечтах о будущем ты всегда был мне другом и спутником. Я надеюсь при встрече увидеть улыбку на твоих устах. Мне не надо другого счастья. Твоя Элизабет».

Это письмо оживило меня. Но в моей памяти по-прежнему жила угроза демона: «Я буду с тобой в твою брачную ночь!»

В таком состоянии духа я написал Элизабет:

«Боюсь, моя любимая девочка, что нам осталось мало счастья. Но все, чему могу я радоваться, сосредоточенно на тебе. У меня есть тайна, Элизабет, страшная тайна. Я поверю тебе на следующий день после нашей свадьбы. Бесконечно любящий тебя Виктор».

Через две недели мы вернулись в Женеву. Милая девушка встретила меня с самой нежной лаской, но на ее глаза навернулись слезы, когда она увидела мое исхудавшее лицо. Отец

торопил нас со свадьбой. Но я, охваченный темными предчувствиями, все больше падал духом.

Уже были сделаны необходимые приготовления для свадебного торжества. Было решено, что тотчас после свадьбы мы по- едем на виллу Лавенца и проведем там наши первые счастливые дни на берегу прекрасного озера. При мне было два пистолета и кинжал, и я надеялся, что всегда сумею защитить Элизабет. Постепенно угроза стала мне казаться пустою и не стоящей того, чтобы нарушился мой покой.

После брачной церемонии, как было условлено, я и Элизабет отправились в свадебное путешествие по воде. То были последние часы моей жизни, когда я был еще счастлив. Мы остановились в гостинице, любуясь красотой, окружающей нас. Возвышающийся надо всем прекрасный Монблан и гряды снежных вершин. Какой божественный день! Какой счастливой и безмятежной казалась мне природа!

Глава 20

Мы долго гуляли по берегу, ловя угасающий свет уходящего дня.

Весь день я был спокоен. Но внезапно обрушился сильный ливень. И моей душой овладели бесчисленные страхи. Каждый звук пугал меня, но я решил не уклоняться от борьбы. Или паду мертвым, или уничтожу противника. Я стал умолять Элизабет удалиться в ее покои, решив не идти к ней, пока не выясню, где мой враг. Элизабет послушно пошла к себе, а я начал ходить по всем коридорам дома, обыскивая каждый угол, который мог бы служить укрытием проклятому демону. Я не обнаружил нигде его следов. Я уже начал думать, что какая-то счастливая случайность помешала чудовищу привести свою угрозу в исполнение, как вдруг услышал страшный, пронзительный крик. Он раздался из спальни Элизабет. Я бросился вверх по лестнице.

Великий Боже! Элизабет лежала безжизненная и неподвижная. Белое платье ее было разорвано на груди, голова ее свисала на плечо, черты прелестного лица были бледны и искажены гримасой ужаса. На шее четко виднелся смертоносный след пальцев демона. На минуту я потерял сознание и упал на пол.

Когда я пришел в себя, ставни были открыты, и я к своему неопишуемому ужасу в открытом окне увидел ненавистную,

страшную фигуру чудовища. Я выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил. Но демон успел уклониться, подпрыгнул и с быстротой молнии бросился в озеро.

Мы отправились в погоню на шлюпках.

Но все было напрасно. Мы стали обшаривать леса и виноградники. Голова моя кружилась, я двигался, словно пьяный, глаза мои подернулись пеленой. В таком состоянии внесли меня обратно в дом и положили на кровать. Взор мой блуждал по комнате, словно ища то, что я потерял.

Я тонул в каком-то море ужасов. Смерть Уильяма, казнь Жюстины, убийство Клерваля и, наконец, гибель моей любимой жены... Я не мог об этом не думать. Я вскочил на ноги и решил, как можно скорее вернуться в Женеву. Там я застал отца и Эрнеста в живых. Отец поник головой под тяжестью вестей, которые я привез. Он потерял свою лучшую радость – свою Элизабет, значившую для него больше, чем дочь, любимую им безгранично. Он не мог жить после всех ужасов, которые нас постигли. Жизненные силы иссякли в нем, он уже не вставал с постели и через несколько дней умер на моих руках.

Что случилось тогда со мною? Не знаю. Я потерял чувство реальности. Я непрерывно думал о демоне, я желал и пылко молил, чтобы он очутился в моих руках, и я мог обрушить на его проклятую голову великую и справедливую месть. Тоска моя была невыразима, когда я думал, что убийца, которого я создал, все еще жив. Отныне я посвятил себя, свою жизнь

и смерть одной цели – уничтожению чудовища.

Глава 21

Первым моим решением было навсегда покинуть Женеву. Родина, столь дорогая мне, когда я был счастлив и любим, стала теперь мне ненавистна. Я запасся деньгами, захватил некоторое количество драгоценностей моей матери и уехал.

С тех пор начались мои скитания, которые должны были кончиться вместе с моей жизнью. Я был обожжен жаром пустынь, в непроходимых джунглях я молил Бога о смерти, но жажда мести поддерживала во мне слабое дыхание жизни.

Моей первой заботой было отыскать след ненавистного демона. Ведь он слишком выделялся среди людей, и я надеялся его отыскать и уничтожить. Ради этого я оставался еще жить, видеть солнце, ступать по зеленой траве.

– Души мертвых, и вы, духи мести, помогите мне и направьте меня!

Раздался дьявольский хохот и знакомый ненавистный голос явственно произнес: «Я доволен! Ты решился жить, и я доволен!»

Я бросился туда, откуда раздался голос, но демон ускользнул от меня. Я увидел уродливую зловещую фигуру, убегающую со скоростью, недоступной простому смертному. Я погнался за ним и спустился по Рейну, но напрасно. Показалось синее Средиземное море. Я увидел, как демон прятался в трюме корабля, уходившего к берегам Черного моря.

Я прошел по его следу через бескрайние равнины России и Азии, но он все время ускользал от меня. Падал снег, и я видел на белой равнине отпечатки его огромных ног. Не знаю, что испытывал тот, кого я преследовал. Иногда он оставлял знаки и надписи на коре деревьев или высекал их на камнях. Он только разжигал мою ярость своим посланием: «Моему царствию нет конца. Ты живешь – и ты в моей власти. Следуй за мной! Я держу путь к вечным льдам севера. Ты будешь страдать от холода, к которому я нечувствителен».

Насмешливый дьявол, я не отступлюсь, пока один из нас не погибнет.

По мере того, как я продвигался на север, снежный покров становился все толще, а холод нестерпимей. Реки стояли, скованные льдом. Добывать рыбу стало невозможно, и я лишился главного источника пропитания.

Наконец, на горизонте показался океан. Покрытый льдами, как он был не похож на моря юга! Он отличался от земли лишь вздыбленной поверхностью. Я достал сани и упряжку крепких собак и помчался по снежной равнине с невероятной скоростью. Теперь я начал его нагонять. Я добрался до жалкой прибрежной деревушки. Я расспросил жителей о демоне. Они сказали, что уродливый великан побывал здесь накануне. Он забрал весь зимний запас пищи, захватил упряжку собак и в ту же ночь отправился дальше.

Я сменил свои сани на другие, более крепкие, и, закупив

запасы провизии, съехал с берега в океан.

Нередко массивные глыбы льда преграждали мне путь. Я слышал под ними грохот волн, грозивших мне гибелью. И вот однажды вдалеке я заметил черную точку. Вглядевшись, я издал торжествующий крик. Это были сани, а на них знакомая мне уродливая фигура. Наступила ночь. Сани были еле заметны, а когда рассвело, я к своему отчаянию потерял след. Подул теплый ветер, море ревело, все вокруг всколыхнулось. И теперь между мной и моим врагом свирепствовало бешеное море, и меня относило от моего врага все дальше и дальше.

И вот, в тот миг, когда я уже изнемогал под бременем бедствий, я увидел высокий стройный корабль, обещавший мне помощь и жизнь. Я разломал свои сани, чтобы сделать весла, и с мучительными усилиями подогнал свой ледяной плот к этому кораблю. Если бы выяснилось, что он следует на юг, я был бы готов умереть. Но, тут мне улыбнулась удача – судно держало путь на север. Добрый капитан приказал поднять меня на борт и вместе со мной трех, оставшихся в живых, собак. В моей душе снова проснулась надежда, что я догоню проклятого демона.

О, святые души Уильяма, Жюстины, Клерваля, бесценной Элизабет и моего отца, придите мне на помощь, направьте шпагу мщения прямо в сердце убийцы!

Дневник капитана Уолтона

Дорогая сестра Маргрет, я решил написать тебе об удивительном событии, случившемся со мной в Северном море. Прошу тебя только об одном: поверь моему рассказу, каким бы неправдоподобным он тебе ни показался.

Несколько дней назад волны прибили к нашему кораблю льдину. На ней был обмороженный, умирающий человек. Мы, как могли, позаботились о нем. Первые три дня он даже не мог говорить. Наконец, он пришел в себя и тихим голосом поведал нам невероятную историю.

Я узнал, что зовут его Виктор Франкенштейн. Я целую неделю слушал его повесть, самую странную и страшную из всех, которые я слышал за всю свою жизнь. Было очевидно, что это человек, глубоко образованный во всех сферах науки. В своей речи он обнаруживал изрядную остроту суждений. Даже на пороге смерти как он был благороден и величав! Несомненно, он был предназначен для великих дел. Он создал подобие человека и оживил его. Что может быть в науке выше этого? Но, к несчастью, это существо оказалось настоящим чудовищем. Оно уничтожило всех, кого нежно любил этот возвышенный, поистине гениальный человек.

Франкенштейн разворачивал все новые и новые картины своей жизни. Я чувствовал, что он искренен и правдив, что он доверяет мне все самое сокровенное. Но, когда я спро-

сил его, какими препаратами он пользовался, чтобы вдохнуть жизнь в сотворенное им, пока еще мертвое тело, его лицо изменилось, глаза вспыхнули, он приподнял руку:

– Никогда! – воскликнул он, – никогда об этом не узнает ни одно живое существо. Нельзя допустить, чтобы хоть один человек еще сделал попытку повторить мой трагический опыт, и снова создать безжалостного убийцу! Нет! Эта тайна умрет вместе со мной. Дорогой друг, – продолжал Франкенштейн, – я чувствую, что умираю. И остаюсь неотомщенным.

Голос его постепенно слабел. И вот, он умолк. Исхудавшей рукой он благодарно коснулся моих пальцев, глаза его в последний раз блеснули и навек погасли. Жизнь отлетела от него.

Дорогая Маргрет, не могу описать тебе, как я был опечален его смертью. Но то, что произошло дальше... Великий Боже! Что за сцена потом разыгралась передо мной! Я все еще ошеломлен и не могу прийти в себя.

Я сидел у смертного ложа моего несчастного друга. Вдруг я увидел, что над его гробом склонилось какое-то странное существо, которое не опишешь простыми словами. Это был громадный человек, чрезвычайно уродливый, неуклюже сложенный. Он протянул огромную руку, напоминающую руку мумии, к Франкенштейну и с необъяснимой нежностью коснулся его лба.

Сейчас я смог разглядеть его лицо. Никогда я не видел

ничего столь отталкивающего и уродливого. Он замер, глядя на меня с удивлением, но тут же, обернувшись к телу своего создателя, казалось забыл обо мне.

– Вот еще одна моя жертва! – воскликнул он. – Этим замыкается круг моих злодеяний. О, Франкенштейн! Тщетно было бы мне сейчас молить тебя о прощении. Ты мертв. Ты мне уже не ответишь.

– Твое раскаяние бесполезно! – сказал я. – Если бы ты слушался голоса совести и не довел свою адскую месть до последней черты, Виктор был бы сейчас жив.

– Ты думаешь, что я не испытывал мук и раскаяния, когда вел его к гибели? – отозвался демон. – Но это не так! О, Франкенштейн, ты – последняя нить, связывающая меня с жизнью. Разве передо мной не виновен весь человеческий род? Я мечтал о подруге, но получал в ответ лишь ненависть и отвращение. Не опасайся, что я кому-нибудь еще причиню зло. Моя жизнь мне ненавистна. Я отправлюсь дальше на север. Там я воздвигну себе погребальный костер и превращу в пепел свое проклятое тело. Я умру, я больше не буду ощущать невыносимой тоски, дыхание ветра развеет по волнам мой прах. Где я могу найти покой, если не в смерти? Прощай, Франкенштейн! Если бы ты был жив и желал мне отомстить, ты бы обрек меня на еще более жестокие муки. Я спокойно взойду на свой погребальный костер. Я жажду смерти, как освобождения. Мой дух умрет в жадном пламени. Прощай, прощай навек!

С этими словами он выпрыгнул из окна каюты на ледяной плот, причаленный вплотную к нашему кораблю. Тяжелые волны унесли его, и он исчез в темной дали...

Шагреновая кожа

По роману О. де Бальзака

Глава 1

Пропавшие женихи и многое другое

В конце октября, как раз в то время, когда открываются игорные дома, Рафаэль шел по направлению к Пале-Роялю.

Он был молод, но в его тонких чертах сквозила какая-то грусть. В выражении юного лица можно было прочесть о тщетных усилиях, о тысячи обманутых надежд. Он был красив, светлые волосы падали на плечи, но в углах рта легкими складками обрисовалась горькая улыбка.

Не колеблясь, он поднялся по лестнице притона.

– Не угодно ли вам отдать шляпу? – сурово крикнул ему бледный старикашка, который вдруг поднялся из-за барьера, показав свою мерзкую физиономию. Глубокие морщины на его изможденном лице говорили о постоянных мучениях: должно быть, весь свой скудный заработок он проигрывал в день получки.

Рафаэль с некоторым недоумением взял номерок в обмен на шляпу, поля которой были слегка потерты. Старый слуга окинул его тусклым безучастным взглядом.

Молодой человек нерешительными шагами вошел в залу, где звон золота околдовывал и ослеплял душу, объятую алчностью. Он огляделся: что за убожество!

На стенах, оклеенных обоями, засаленными в рост человека, не было ничего, что могло бы освежить взгляд. Паркет обшарпан, запачкан. Середину зала занимал овальный стол. Он был покрыт сукном, истертым золотыми монетами.

Игрные дома увлекательны только в начале игры. В Испании есть бой быков, в Риме были гладиаторы, а Париж гордится своим Пале-Роялем, где рулетка дает вам возможность насладиться захватывающей картиной: толпой людей, которые приходят сюда на свою погибель в надежде обрести богатство и роскошь.

Рафаэль на мгновение замер, разглядывая игроков, окруживших стол с потертым зеленым сукном. И под действием какого-то духовного феномена его жизнь предстала перед ним словно бы в сокращенном виде. Что ж, до двадцати одного года он жил под гнетом деспотизма своего отца столь же холодного, как монастырский устав. Над его шаловливыми веселыми мыслями всегда тяготела отцовская воля, покрывая их как бы свинцовым куполом.

И все-таки, в сущности он любил отца, хотя тот лишал его всякой самостоятельности. Иногда в его уме формировались планы бегства, отчаяние подавленных желаний. И тогда мрачная меланхолия рассеивалась музыкой. Он изливал свое горе в мелодиях. Его верными наперсниками часто бы-

вали Бетховен и Моцарт.

И вот однажды Рафаэль неожиданно обрел отцовское доверие – тот отдал ему на хранение свой кошелек и ключи. Именно тогда в первый раз он шел мимо этого притона. Ему хотелось хоть на один день предаться прегрешениям, свойственным его возрасту. И вот он вошел в этот темный зал и, спрятавшись в уголке, украдкой пересчитал деньги своего отца. Там было сто экю! Он никогда не владел таким «богатством». Все преступные соблазны, воскрешенные этой суммой, заплясали перед ним, как макбетовские ведьмы вокруг костра. Он решился на мошенничество. В ушах у него зазвенело, бешено заколотилось сердце. Он взял две двадцатифранковые монеты и подошел к игорному столу.

Убедившись, что никого из знакомых нет в толпе, окружившей стол, он присоединил свои деньги к ставке низенького веселого толстяка. Его душа и взор витали вокруг рокового зеленого сукна. И вдруг случилось невероятное – он выиграл. Мучительное чувство сменилось восторгом. Он был похож на осужденного, который, уже идя на казнь, получил помилование.

Положив в кошелек отца взятую оттуда сумму, он спрятал свой выигрыш, завернув его в носовой платок. Дома он отдал отцу ключи и деньги. Потом пересчитал золото, которое получил таким странным неожиданным образом. Он чувствовал себя обновленным, готовым начать новую жизнь.

Именно в это время отец впервые заговорил с ним открито.

венно.

– Сын мой, через год ты станешь доктором права. Я хочу, чтобы жизнь твоя сложилась удачно, чтобы ты приобрел основательные познания и любовь к труду.

Но, к несчастью, именно в этот период отец Рафаэля полностью разорился. Революция разорила его состояние, а ведь он происходил из знатного древнего рода. Отец не перенес этого, и вскоре Рафаэль уже шел за его бедным гробом.

У отца было много долгов. И вот оказалось, когда отец даровал Рафаэлю в некотором смысле свободу, он очутился под нестерпимым ярмом бедности. Все пошло с молотка – их уютный дом, старинная мебель, к которой он привык с детства.

Итак, он остался, затерянный в Париже, без средств, без будущего. Через три месяца оценщик вручил ему тысячу франков – все что осталось от отцовского наследства. Преданный Рафаэлю слуга Ионафан сказал ему, покидая дом, который уже не принадлежал Рафаэлю:

– Будьте как можно бережливее, сударь.

Он плакал, славный старик.

Рафаэль был жертвой чрезмерного честолюбия, полагая, что рожден для великих дел, хотя и прозябал в ничтожестве. Он мысленно часто воображал себя генералом, императором или Байроном. А в реальности – был ничем. Того скромного состояния, которое у него оставалось, по его расчету, должно было ему хватить на три года, и этот срок он назначил для

выпуска в свет сочинений, которые принесли бы ему славу и внимание публики, дали возможность разбогатеть и составить себе имя.

Итак, он прожил три года в уединенном мире книг и идей, в сфере труда и молчания. Он приложил все усилия в надежде найти недорогую комнату. Так он нашел гостиницу «Сен-контен», смиренно сообщив хозяйке, сколько он сможет платить за квартиру. Как была ужасна мансарда с желтыми грязными стенами, куда она его привела! Кровля шла покато, и ему думалось поставить туда свое фортепьяно, единственное, что он сохранил от старой жизни. Бедная хозяйка никому не могла сдать этот убогий чердак, поэтому они быстро сторговались, и вскоре он поселился у нее.

Рафаэль начал два больших произведения. Его комедия, как он надеялся, должна была в короткий срок принести ему известность и состояние. При слабом свете догорающей лампы он писал свою статью «Теория воли». Но ни один театр не заинтересовался его работой, сочтя ее ребяческим вздором. «Теория воли» казалась крупным журналам слишком сложной и недоступной среднему читателю.

Он выходил купить себе что-нибудь из еды, выбирая самое дешевое, сам убирал свою комнату.

У хозяйки была дочь Полина, очаровательное создание, которое можно было определить одним словом: прозрачность.

В ней было что-то неземное, обворожительное. Светлые

кудри вились вокруг прелестного лица. Огромные серые глаза излучали особый свет. Она была так худа и воздушна, как нераспустившийся цветок, в своем развитии остановленный холодом. Вероятно, бедность и голод задержали расцвет этого очаровательного создания. Иногда вечером она приносила Рафаэлю кувшинчик с теплым молоком, и он не догадывался, что это ужин бедной девушки.

Полина была так мила, что он с радостью стал заниматься ее воспитанием. Она быстро научилась играть на фортепьяно и делала большие успехи. И как она радовалась, когда Рафаэль был доволен ею. Он давал ей читать книги все более серьезные и глубокие, и она схватывала все идеи просто налету. Она была его сестрой, его ребенком, его статуей, он, как новый Пигмалион, хотел превратить ее в совершенство.

Но вот, наступило ужасное время, когда деньги его кончились. Он был обречен на голодную смерть.

Может быть, Рафаэль и влюбился бы в Полину, но он не понимал любви в нищете – он представлял себе любовь в шелках и кашемире, окруженную богатством и роскошью.

Мысленно простившись с Полиной и ее матерью, – людьми, которые подарили ему тепло и доброту. С отчаянием в сердце он вышел из дома. Он шел по улице с последней монетой в кармане, без имени, без друзей.

Когда молодой человек вошел в залу, там было уже несколько игроков. Три плешивых старика, развалясь, сидели вокруг зеленого поля. Их лица были похожи на гипсовые

маски. Бросался в глаза молодой черноволосый итальянец с оливковым цветом лица, спокойно облокотившийся на край стола. Казалось, он прислушивается к тем тайным предчувствиям, которые кричат игроку роковые слова: «Да! – Нет!» На другой стороне поместились пройдохи, изучившие все хитрости игры.

Кассир и банкомет, только что бросив на игроков тусклый убийственный взгляд, сдавленными голосами произнесли: «Ставьте». Взоры невольно приковывались к молодому Рафаэлю. На нем был отличный фрак, но галстук слишком плотно прилегал к жилету, так что едва ли под ним имелось белье. Его руки, изящные как у женщины, были сомнительной чистоты, ведь он был без перчаток. Но никого не привлекло очарование невинности, которое еще цвело на его тонком лице.

Он подошел прямо к столу, остановился, не задумываясь, бросил на сукно золотую монету. Он взглянул на банкомета вызывающе и вместе с тем спокойно. В это же время итальянец с фанатизмом страсти поставил все свое золото против ставки молодого человека. Послышался хриплый и безучастный голос банкомета: «Ставьте!» – «Ставка принята!» – «Больше не принимаю!»

Зрители все, как один, готовы были видеть развязку этой драмы. Их глаза горели, они не сводили взгляда с Рафаэля. Но они не могли заметить и признака волнения на его холодном и замкнутом лице.

– Красная, черная, пас, – холодным тоном объявил банкомет.

Что-то вроде глухого хрипа вырвалось из груди итальянца, когда он увидел, как один за другим падают на сукно банковые билеты, которые ему с подобострастной улыбкой бросал кассир. А Рафаэль только тогда постиг свою гибель, когда лопаточка протянулась за его последней золотой монетой. Слоновая кость тихо звякнула о монету.

Молодой человек медленно опустил веки, губы его побелели. Но взгляд его не выдал раздирающего отчаяния. Все смотрели на счастливого игрока, который дрожащими руками пересчитывал банковые билеты.

Выходя из Пале-Рояля, Рафаэль забыл о шляпе, но старый сторожевой пес молча подал ему это отрепье. Рафаэль спустился по лестнице.

Вскоре он очутился на улице Сент-Оноре, свернув в сад Тюильри. Он шел, точно в пустыне, его толкали встречные, но он их не видел. Сквозь уличный шум он слышал только один голос – голос смерти. Теперь он шел по берегу Сены. Он мрачно посмотрел на воду.

– Не такая это погода, чтобы топиться! – с усмешкой сказала ему одетая в лохмотья старуха. – Сена грязная, холодная!..

Неожиданно он усмехнулся.

– Если я утоплюсь, то мертвый я стою пятьдесят франков, а живой – я всего лишь в лучшем случае талантливый чело-

век, у которого нет ни покровителя, ни друзей, ни соломенного тюфяка, ни навеса, чтобы укрыться от дождя, – настоящий социальный нуль.

Смерть среди белого дня показалась ему отвратительной, он решил умереть ночью. И все-таки он ощущал в себе трепет жизни, все еще борющийся с тягостной мыслью о самоубийстве.

И вот с видом беспечного гуляки, которому просто нужно убить время, он пошел дальше по направлению к улице Вольтера. На углу набережной его внимание привлекли старые книги, разложенные на парапете, и он чуть было не прицелился к ним. Но тут же посмеялся над собой и, философски засунув руки в карманы, снова двинулся беззаботной походкой.

Вдруг с изумлением он услышал почти фантастическое звяканье монет у себя в кармане. Улыбка надежды озарила его лицо, зажгла радостью глаза. Он быстро вытащил руку из кармана и увидел всего лишь три монеты по два су.

– Добрый господин, хоть одно су на хлеб.

Мальчишка-трубочист с черным одутловатым лицом весь в саже, одетый в лохмотья, протянул к нему руку. Стоящий в двух шагах от мальчишки старый нищий, робкий, болезненный, сказал грубым и глухим голосом:

– Сударь, подайте сколько можете, буду за вас бога молить.

Но, когда молодой человек взглянул на старика, тот за-

молчал. Видимо, на мертвенном лице молодого человека он заметил признаки нужды более острой, чем его собственная.

Рафаэль бросил мелочь мальчишке и старику и отошел от набережной, больше он не мог выносить душераздирающего вида Сены.

Проходя мимо магазина эстампов, он увидел, как из роскошного экипажа выходит молодая женщина. Он залюбовался ее очаровательным белым личиком, которое красиво окаймлял атлас нарядной шляпки. Он увидел ее прелестную ножку, которую обтягивал белый туго натянутый чулок. Но он тут же отвел глаза. Это было его прощание с любовью – с женщиной.

Лошади тронули, и этот последний образ роскоши и изящества померк, как должна была бы померкнуть его жизнь. Он прошел мимо Лувра, миновал башни Собора Богоматери, Мост Искусств.

Он оказался возле старой двери, ведущей в Лавку Древностей и решил войти, чтобы хотя бы дождаться там ночи. Он вошел в лавку с видом независимым, с той застывшей улыбкой на устах, какая бывает у пьяниц. Да и не был ли он пьян от жизни или, может быть, от близкой смерти?

Его встретил молодой рыжеволосый приказчик с полными румяными щеками, в картузе из выдры.

– Я желаю осмотреть зал и поискать, не найдется ли там каких-либо древностей на мой вкус, – заявил молодой человек.

Приказчик поглядел на него недоверчивым взглядом и небрежно сказал:

– Извольте сударь, взгляните. Внизу у нас только вещи заурядные, но потрудитесь подняться наверх, и вы увидите прекраснейшие мумии из Каира, вазы с инкрустациями, резное черное дерево – подлинный Ренессанс. Все только что получено, высшего качества.

Рафаэль находился в таком ужасном душевном состоянии, что эти глупые торгашеские фразы его провожатого были ему противны.

Однако, решив нести свой крест до конца, он сделал вид, что слушает и отвечал ему жестами или односложными словами. Потом он уже шел молча, отдаваясь своим последним размышлениям, которые были ужасны.

Залы лавки являли собой беспорядочную картину. Чу-чела крокодилов, обезьян улыбались церковным витражам. Мраморные бюсты, севрская ваза с портретом Наполеона находилась рядом со сфинксом.

Кухонный вертел лежал на драгоценной шкатулке. Орудия смерти: кинжалы, пистолеты мирно соседствовали с предметами житейского обихода, с прозрачными китайскими чашками, предметами женского туалета. Все страны, казалось, принесли сюда обломки своих знаний, образчики своих искусств. Его провожатый затерялся где-то в тени, и он уже один поднялся на второй этаж.

Его встретила сияющая и пленительная мраморная ста-

туя на витой колонне, говорившая ему о сладостях мифов Греции. Здесь веяло всеми причудами императорского Рима. Голова Цицерона, на которую случайно опустился венок из бесценных каменных цветов. Наконец, живопись отверзла небеса. Он узрел деву Марию, парящую в золотом облаке среди ангелов. Он коснулся мозаики, сложенной из кусочков лавы Везувия и Этны. И тут же лежал средневековый кинжал с узорной рукоятью. Индия оживала в буддистском идоле, одетом в золото и шелк с остроконечным головным убором. Китайское чудовище с раскосыми глазами, казалось, смотрело в пустоту. Камеи навеяли ему мысли о победах Александра Македонского, а высокие шлемы – о религиозных войнах, неистовых и кипучих.

Форма, краски, мысли – все оживало здесь, однако ничего законченного в душе не открывалось. Внезапно ослепляло взгляд множество перламутровых раковин среди ярких кораллов. Драгоценные шкатулки, мебель – все было расставлено как попало.

– Да у вас тут миллионы! – воскликнул Рафаэль, дойдя до комнаты, завершавшей длинную анфиладу залов.

– Вернее, миллиарды! – заметил неизвестно откуда взявшийся проводник, видимо он следил за Рафаэлем. – Но это еще что, поднимитесь-ка на четвертый этаж, вот там вы увидите!..

Юноша достиг четвертой галереи и там перед его усталыми глазами предстали картины Пуссена, Клода Лорена,

Рембрандта, Веласкеса, а дальше античные барельефы, агатовые чаши, драгоценная утварь из серебра и золота. Рафаэль был истерзан роскошью, измучен искусствами, подавлен этими восхитительными формами, которые как некое чудовище возникали у его ног и вызывали его на нескончаемый поединок.

Он чувствовал себя опустошенным.

– Что в этом ящике? – спросил он, войдя в просторный кабинет и указывая на большой ящик красного дерева, подвешенный на серебряных цепях.

– О, ключ от него у хозяина, – с таинственным видом сказал его провожатый, – если вам угодно увидеть эту картину, я осмелюсь побеспокоить хозяина.

Затем, сочтя молчание Рафаэля за согласие, приказчик оставил его одного в кабинете.

Тем временем за окном стемнело, и все окружающее имело теперь призрачный вид. Вдруг Рафаэль вздрогнул, лучи яркого света ослепили его. Он увидел, как где-то во мраке загорелся красноватый круг, в центре которого находился какой-то старичок, стоящий с лампой в руке и направляющий свет на Рафаэля.

Не слышно было, как он вошел; он молчал и не двигался. В его появлении было что-то мистическое. Необычайный молодой блеск оживлял его глаза – глаза этого подобия призрака. Некоторое время они молчали, и Рафаэль постепенно пришел в себя.

Он разглядел этого сухенького старичка, облаченного в черный бархатный халат. У него было узкое бледное лицо. Борода с проседью, постриженная клинышком, скрывала подбородок этого странного существа. Губы были столь бесцветны и тонки, что их было трудно разглядеть. Но лоб был высокий, хотя и испещренный морщинами. Его зеленые глаза, исполненные какого-то спокойного лукавства, скрывали глубокий душевный мир.

– Вам угодно видеть изображение Иисуса Христа кисти Микеланджело? – учтиво спросил старик, но в звучности его голоса было что-то мертвое и металлическое.

Он поставил лампу на невысокую колонну так, что темный ящик был освещен. Старичок надавил на незаметную пружину, и вслед за этим створка красного дерева бесшумно скользнула в выемку, открыв восхищенному взору бесценное полотно.

При виде этого дивного творения Рафаэль забыл все диковинки лавки, все, что он видел и что его поражало. Благостная нежность, тихая ясность божественного лика тотчас же окружили его, некое благоухание пролилось с небес, рассеивая те адские муки, которые жгли Рафаэля до мозга костей.

– Я дал за это полотно столько золотых монет, сколько на нем уместилось, – холодно сказал хозяин сокровища.

Слова старика вернули Рафаэля к его роковому жребию, и он спустился с высот последней надежды, за которую он,

было, ухватился.

– Значит, смерть, – прошептал он.

– Ага, недаром ты показался мне подозрительным! – старик схватил обе руки молодого человека, сжав их, как в тисках.

Рафаэль печально улыбнулся и сказал кротким голосом:

– Не бойтесь, речь идет о моей смерти, а не о вашей. До наступления ночи, когда я решил утопиться, я пришел взглянуть на ваши богатства. Кто не простил бы этого последнего наслаждения ученому и поэту?

Торговец, успокоенный искренним тоном его печальных речей, отпустил его руки.

– Что с вами случилось? – спросил старик. – Ваш отец чересчур грубо попрекал вас тем, что вы появились на свет? А может быть, вы потеряли честь? Если бы со мной это случилось, я бы все же не решил расстаться с жизнью. Может быть, вас томит неутоленная страсть к золоту или вы желаете победить скуку? Словом, какое заблуждение толкает вас на смерть?

– Не ищите объяснений среди будничных причин, – проговорил Рафаэль. – Я скажу лишь одно, я впал в глубочайшую, гнуснейшую, унижительную нищету. И не собираюсь вымаливать ни помощи, ни утешений.

– Вот как, – проговорил, отстраняясь старик, – что ж, я не заставлю вас краснеть, я не подам вам ни французского сантима, ни немецкого геллера, ни русской копейки, ни шот-

ландского фарцинга. Нет, я не предлагаю вам ни золота, ни серебра, но я хочу вас сделать богаче, могущественнее, влиятельнее любого конституционного монарха.

Рафаэль, решив, что старик сошел с ума, ошеломленный, не знал, что ответить.

– Оглянитесь, – сказал старец, направляя свет лампы на стену над ящиком красного дерева. – Посмотрите на эту шагреньевую кожу! Это талисман.

Молодой человек с удивлением обнаружил на стене лоскут шагрени не больше лисьей шкурки. Кожа эта среди глубокого мрака, царившего в лавке, испускала лучи столь блестящие, что можно было принять ее за маленькую комету.

Юноша с недоверием приблизился к тому, что выдавалось за талисман, способный предохранить его от всех несчастий, и рассмеялся в душе. Однако, движимый вполне законным любопытством, он наклонился чтобы рассмотреть кожу вблизи. Черная зернистая поверхность шагрени была так тщательно отполирована, что каждая выпуклость этой восточной кожи бросала пучок ярких лучей. Рафаэль, математически точно определив причины этого явления, изложил их старику, но тот вместо ответа только хитро улыбнулся. Эта улыбка превосходства навела молодого ученого на мысль, что он является жертвой шарлатанства. Он не хотел уносить с собой в могилу лишнюю загадку.

– Ага! – воскликнул он, – тут отпечаток печати, которую на Востоке называют Соломоновой.

– Вам она известна? – спросил торговец и рассмеялся.

– Какой проstack поверит этой химере? – воскликнул молодой человек, задетый, полным ехидства, смехом старика.

– Разве вы не знаете, что лишь суеверия Востока приписывают нечто священное знакам этой эмблемы, будто бы наделенным сказочным могуществом? Раз вы востоковед, – продолжал старик, – то, может быть, прочтете это изречение? – он поднес лампу к самому талисману, который изнанкой кверху держал молодой человек.

– Должен сознаться, – заметил юноша, – не могу объяснить, как можно было так глубоко оттиснуть эти буквы на шагреновой коже.

– Вот вам стилет, – сказал старик. – Попробуйте надрезать кожу в том месте, где начертаны буквы.

Стиллет был узкий и острый, но, когда Рафаэль снял тонкий слой кожи, буквы появились вновь столь же отчетливо, как будто кожа и не была срезана.

– Ливанские мастера владеют секретами, известными только им одним, – сказал Рафаэль, взглянув на восточное изречение.

– Да, – отозвался старик, – лучше все валить на людей, чем на Бога. Это написано по-санскритски. Вы могли бы прочесть, что тут написано?

И вот что прочел Рафаэль:

Обладая мною, ты будешь обладать всем, но жизнь твоя будет принадлежать мне. Так угодно Богу. Желай

– и желания твои будут исполнены.

Но, соизмеряй свои желания со своей жизнью. Она – здесь.

При каждом желании я буду убывать, как твои дни.

Хочешь владеть мною?

Да будет так!

– Вы, верно, побывали в Персии или Бенгалии? – спросил старик.

– Нет, – покачал головой молодой человек, ощупывая с любопытством эту странную кожу.

Старый антиквар смотрел на него с холодной иронией, как бы говорившей: вот, он уже не думает умирать.

– Это шутка или тайна? – спросил Рафаэль.

Старик покачал головой и с серьезным видом сказал:

– Не знаю, что вам ответить. Грозную силу, даруемую этим талисманом, я предлагал людям более смелым и энергичным, нежели вы. Но посмеявшись, никто из них не захотел рискнуть, заключить договор, столь роковым образом предлагаемый неведомой никому властью шагреновой кожи. Что ж, я с ними согласен – я тоже воздержался и...

– И даже не попробовали? – прервал его Рафаэль.

– Попробовать? – воскликнул старик. – Если бы вы стояли на Вандомской колонне, попробовали бы вы броситься вниз? Можно ли попробовать остановить течение жизни? Вы хотели покончить с собой, но эта тайна отвлекает вас от мысли о смерти. Есть два предела человеческой деятельности – это

желать и мочь. «Желать» сжигает нас, а «мочь» разрушает. Но моим единственным желанием – было видеть. Видеть – не значит ли это знать. А знать, молодой человек, не значит ли это наслаждаться интуитивно, проникая в самую сущность жизни? Здесь! – громовым голосом воскликнул он, указывая на шагреновую кожу – мочь и желать соединены! Это истинная жизнь!

– Вот я и хочу жить, не зная меры! – сказал Рафаэль, хватая шагреновую кожу.

– Берегитесь, молодой человек! – с невероятной живостью проговорил старик.

– Я посвятил свою жизнь науке и мысли, но они не способны были даже прокормить меня.

Рафаэль судорожно сжал талисман в руке.

– Я хочу царственного, роскошного пира, вакханалии, достойной века. Пусть мои собутыльники будут юны, остроумны и свободны от предрассудков. Пусть меняются вина одного другого крепче, искрометнее. Пусть эта ночь будет украшена пылкими женщинами. Мне нужно заключить все наслаждения земли и неба в одно последнее объятие, затем умереть.

В ответ раздался смех старика. Он прервал Рафаэля столь властно, что тот умолк.

– Что ж, безрассудный молодой человек, вы заключили договор, и этим все сказано, – промолвил торговец. – Теперь все ваши желания будут исполняться в точности, но за счет вашей жизни. Круг ваших дней, очерченный этой кожей, бу-

дет сжиматься соответственно силе и числу ваших желаний. Ведь в конце концов вы хотели умереть? Ну что ж, ваше самоубийство только отсрочено.

Рафаэлю показалось, что старик насмехается над ним, глумится, и он воскликнул:

– Посмотрим, изменится ли моя судьба, пока я буду переходить через Мост Искусств?

Он вышел, так и не услышав тяжкого вздоха старика. Спустился по лестнице и стремительно выбежал из дверей. Он с удивлением заметил, что шагреновая кожа стала мягкой, как перчатка, и легко поместилась в кармане его фрака. Чуть замедлив шаги, он пошел по левой стороне тускло светящейся реки.

– А вот и Мост Искусств! – Рафаэль будто бы очнулся. Вступив на мост, он столкнулся с тремя молодыми людьми, которые шли рука об руку.

– Скотина! Невежа! Плебей! – таковы были изысканные приветствия, которыми его встретили.

– О, да это Рафаэль!

– Отлично, а мы тебя искали!

– Как, это вы? – изумился Рафаэль.

Эти дружественные фразы последовали вслед за бранью.

– Милый друг, – сказал Рафаэлю молодой человек, который его едва не сбил его с ног, – ты пойдешь с нами.

– Куда, Эмиль, зачем?

– Ладно, иди, дорогой я тебе все расскажу.

Друзья окружили Рафаэля, подхватили под руки и, перейдя Мост Искусств, повлекли его к высокому зданию.

– Мы тебя разыскивали по всему городу, – продолжал Эмиль, глядя на него блестящими глазами, – куда мы только не заглядывали. Мы даже думали, что ты уехал за город. И, черт возьми, мы действительно рады, что встретили тебя.

Не слушая своих друзей, Рафаэль перешел Мост Искусств и посмотрел на Сену, в бурлящих волнах которой отражались огни Парижа.

Что ж, недавно он хотел броситься в эти волны, но час его смерти по воле рока, кажется, действительно был отсрочен.

– А ты слышал, Рафаэль, – проговорил Эмиль, – что твоя последняя статья будет опубликована и принесет тебе несколько тысяч франков? Ты как будто не слышишь меня, Рафаэль!

– Нет, я слышу, – отвечал Рафаэль, удивленный не столько исполнением своих желаний, сколько тем, как быстро они свершились.

Продолжая беседовать, молодые люди подошли к особняку на улице Жюбер.

Эмиль достал журнал и, продолжая одной рукой поддерживать Рафаэля, развернул его: смотри твоя статья!

– Да он успеет еще ее посмотреть, – прервал его высокий насмешливый и остроумный Жак, – ты как будто растворился в какой-то другой реальности и не слышишь нас.

– Да входите же, – распахивая тяжелые резные роскошные

двери, проговорил Эмиль, – я изрядно озяб.

Вся лестница была уставлена ящиками с цветами, которые разливали благоухание.

– Люблю, когда лестница и прихожая убрана свежими цветами, – с удивлением заметил Рафаэль, – это редкость во Франции. Чувствую, я здесь возрождаюсь.

А там наверху тебя ждет кое-что еще более интересное, – засмеялся Эмиль. И широким жестом он распахнул дверь в залу, блиставшую огнями и позолотой.

Их окружили молодые люди, пользующиеся в Париже наибольшей известностью. Один из них был прославленный художник, другой только что выпустил очень яркую книгу. Здесь же был скульптор, суровое лицо которого, казалось, отражало его творения.

Рафаэль оглянулся. Он подумал: «Как же все это красиво!»

Всюду сияло золото и шелк. Тонкая чеканка бронзы при свете дорогих канделябров, с бесчисленным множеством свечей сверкала, разбрасывая лучи. Редкостные цветы изливали сладостное благоухание.

– О, как все изменилось! – со смехом проговорил Рафаэль. – Моя добродетель больше не согласна ходить пешком! Порог для меня – это моя убогая мансарда, потертое платье и долги швейцару. Ах, прожить бы в такой роскоши год! Даже полгода! А потом умереть! По крайней мере, я все изведу, выпью до дна, поглощу тысячу жизней!

– Друг мой, – возразил слушавший его Эмиль, – богатство скоро наскучит тебе, поверь. Ты заметишь, что оно лишает тебя возможности стать выдающимся человеком.

– Прекрати! – воскликнул Рафаэль. – Я умираю от голода, сначала пообедаем.

Все со смехом уселись за стол, покрытой белоснежной скатертью, искрящейся, как свежесвыпавший снег. Хрусталь сверкал, разбрасывая звезды. Блюда под серебряными крышками возбуждали аппетит. Лакеи разливали мадеру. Затем появилась первая перемена блюд. Ее сопровождали вина бордосские и бургундские. Лакеи наполняли бокалы поистине с королевской щедростью. Вторая перемена блюд оказалась еще более роскошной. Кое у кого бледные лбы покраснели, а у иных носы уже приняли багровый оттенок, щеки пылали, глаза блестели. Все ели и говорили, говорили и ели, пили, не остерегаясь обилия возлияний. Шампанское сменили ронские вина жестокой крепости. Начались лукавые тосты, бахвальства, дерзости. Все стремились щегольнуть, если не умом, то способностью состязаться с винными бочонками и бутылками. Кто-то пытался заговорить о политике.

– Нет, это скучно, прекратите, – крикнул Эмиль, – лучше передайте мне спаржу.

– Итак, выпьем за примитивность власти, которая дает нам власть над глупцами, – предложил Жан.

– И все-таки, Наполеон, по крайней мере, оставил нам сла-

ву, – прокричал морской офицер с трудом держа в руке позолоченный бокал.

– Ах! Слава – товар невыгодный, стоит дорого, сохраняется плохо, – произнес кто-то, сидящий с краю.

Все весело рассмеялись.

Всех охватила пьяная лихорадочная болтливость. Десертные вина добавили свой остро волнующий вкус и колдовские пары. Слуги внесли пирамиды всевозможных плодов. Сок тек по пальцам сидящих за столом, апельсины катились по полу. Теперь слова звучали невнятно, бокалы разбивались вдребезги, сборище молодых людей засвистело, запело, захохотало. Некоторые уже лежали, упав на мягкие пушистые ковры.

– Пожалуйте в гостиную – кофе подан, – объявил дворецкий, стараясь поднять одного из лежащих на ковре.

Почти все гости в этот момент блуждали в сладостном преддверии рая, где свет разума гаснет, а тело придается на свободе бешеным радостям. Отважные ораторы еще производили неясные слова, смысл которых ускользал от них самих. Гости направились в гостиную, увлекая и поддерживая друг друга, а кое-кого даже неся на руках. На мгновение толпа остановилась в дверях, застывшая и очарованная.

Все наслаждения пира побледнели перед тем возбуждающим зрелищем, которое открылось перед ними.

При свете горящих в золотой люстре свечей, вокруг стола, уставленного серебром и золотом, группа женщин вне-

запно предстала перед гостями, у которых глаза заискрились и засверкали. Богаты были узоры их одежд, но еще богаче – ослепительная женская красота, перед которой меркли все чудеса этого дворца. Изумленные взгляды окидывали пеструю гирлянду живых цветов, вперемешку с сапфирами, рубинами и кораллами на белоснежных шеях.

Этот сераль обольщал любые взоры, услаждал любые прихоти. Танцовщица, застывшая в очаровательной позе под волнистыми складками кашемира, казалась обнаженной. Узенькие ножки говорили о любви. Уста, свежие и алые, призывно улыбались. Юные девицы были тонкой подделкой под невинных робких дев, что казалось прелестным. Их волосы дышали ослепительным блеском, а сами они были, как светлые видения. Красавицы аристократки с надменным выражением лица склоняли головы с таким видом, как будто еще не все королевские милости были им оказаны. Парижанки, вся красота которых была в неопишуемой грации, гибкие, сильные, бессердечные и вместе с тем бесстрастные, показывали все обольщения страсти.

Шепот восхищения пронесся над залом, как нежнейшая музыка.

Едва Рафаэль и Эмиль сели на мягкий диван, к ним подошла высокая девушка с горделивой осанкой, с чертами лица, волнующими и полными страсти. Глаза с длинными ресницами метали смелое пламя, искры любви. Алый рот призывал к поцелую. Стан у этой девушки был гибкий, будто со-

зданный для восторга. Грудь и плечи пышно развитые, как у красавиц Караччи. Ее сильное тело заставляло предполагать в ней подвижность пантеры, а изящество форм сулило жгучую радость ласки.

Одетая в платье из красного бархата, она небрежно ступала по цветам, уже оброненным ее подругами с их украшенных голов. Гордая своей красотой, гордая, может быть, своими пороками, она выставляла напоказ белую руку, ярко сияющую на алом бархате. Она была королевой.

– Как тебя зовут? – спросил Рафаэль.

– Акелина. У меня было другое имя, – проговорила она после недолгого молчания. – Как Папа Римский берет себе новое имя, так и я, превзойдя всех женщин, взяла и назвалась по-другому. Меня любил благородный человек, – сказала она, и лицо ее помрачнело. – Но гильотина стала моей соперницей. Поэтому я всегда отделяваю свой наряд чем-нибудь красным.

– Молчи, Акелина, – воскликнул Эмиль, – у каждой женщины найдется любовник, о котором можно поплакать.

– Ах, гораздо лучше знать, – проговорила другая женщина нежным и мелодичным голосом, – что мой любовник лежит в могиле, чем в постели соперницы.

– Бог с тобой, Ефразия, опомнись, что ты говоришь!

Эта женщина была само очарование, создание прелестное, которое когда-либо палочка феи могла извлечь из волшебного мира. Она подошла неслышными шагами, и дру-

зья увидели изящное личико, тонкую талию, голубые глаза, свежий чистый лоб. Стыдливая наядя, вышедшая из ручья, не так бела и невинна, как была эта молоденькая, на вид шестнадцатилетняя девочка, которой, казалось, неведома любовь. Только в Париже встречаются эти создания с целомудренным взором, но скрывающие в душе глубочайшую развращенность, утонченную порочность.

– Желал бы я знать, думаешь ли ты когда-нибудь о будущем? – сказал Эмиль этому прелестному созданию.

– О будущем? – повторила она, смеясь. – Я не заглядываю вперед, не оборачиваюсь назад. Не достаточно ли большой труд думать о нынешнем дне? А впрочем – мы наше будущее знаем. Это больница.

– Как можешь ты предвидеть больницу и не стараться ее избежать? – воскликнул Рафаэль.

– А что в ней такого страшного? – спросила, нахмурившись, Акелина. – Ведь мы не матери, не жены, старость подарит нам черные чулки, а морщины украсят наши лица. От всех наших прелестей останется только застарелая грязь. И она будет ходить на двух лапах холодная, сырая, гниющая. Какая разница – возиться со своими собачками в огромном доме или разбирать тряпье в богадельне? Подумаешь, велика разница!

– Моя Акелина, – подхватила Ефразия, – я более, чем когда-либо, разделяю твой взгляд на эти вещи. Кашемир, духи, золото, роскошь – все это пристало только молодости. Но

я полагаю лучше умереть от наслаждений, чем от болезни. Я не испытываю ни жажды вечности, ни долгой жизни. Дайте мне миллионы, я их растрянжирю, ни сантима не отложу на будущий год. Жить, чтобы нравиться и царить, – вот что подсказывает мне каждое биение моего сердца.

– А твои подруги? Как они думают? – спросил Эмиль.

– Мои подруги? Ну это их дело. По-моему, лучше смеяться над их горестями, чем плакать над своими собственными. Пусть попробует мужчина причинить мне малейшую муку!

– Верно, ты много выстрадала, если у тебя такие мысли! – воскликнул Рафаэль.

– Я не буду говорить об этом, – сказала Ефразия, приняв позу, подчеркивавшую всю соблазнительность ее тела, – никто не обманет меня больше ни улыбкой, ни обещаниями. Я хочу, чтобы жизнь моя была сплошным праздником.

– Я хочу, чтобы мной восхищались, я хочу торжествовать над всеми женщинами, даже самыми добродетельными, затмевая их красотой и богатством! – подхватила Акелина.

– Разве не отвратительна женщина, лишенная добродетели? – обратился Эмиль к Рафаэлю.

Ефразия бросила на них насмешливый взор и ответила с неподражаемой иронией:

– Добродетель? Предоставим ее уродам и горбуням – что им бедняжкам без нее делать?

– А ты не боишься, что когда-нибудь за все это заплатишься? – спросил Эмиль.

– Что ж, – отвечала она, – я поделю мою жизнь на две части: первая – молодость, несомненно, веселая, а вторая – старость, думаю, что печальная – тогда настрадаюсь вволю.

– Страдать? – повторила Акелина, улыбаясь беспомощной растерянной улыбкой. – Ах, вы не знаете, что значит заставлять себя наслаждаться со смертью в душе....

Взглянуть в этот миг на гостиную – значило заранее увидеть нечто невероятное. Голубоватое пламя пунша окрасило лица тех, кто еще мог пить, в адские тона. Бешеные танцы, в которых находила себе выход первобытная сила, вызывали хохот и крики, раздававшиеся как треск ракет. Атмосфера была накалена вином и наслаждением. Любовь, бред, самозабвение были в сердцах и на лицах. Воздух казался насыщен опьяняющими парами.

Там и сям группы влюбленных, сплетенных в объятиях, сливались с белыми мраморными статуями, с благородными шедеврами скульптуры. Оба друга еще сохраняли в мыслях своих и чувствах некую обманчивую ясность, но уже не могли различить, было ли что-то реальное в тех странных фантазиях, которые беспрерывно проходили перед их утомленными глазами.

– А вот, смотрите, пришел Растиньяк! Да, я слышал его имя. Так вот он каков – Растиньяк: красавец, гуляка и богач!

Растиньяк взял Рафаэля под руку, стал расспрашивать о его положении с участием, по-панибратски.

– Тебе надо бывать в свете, – сказал Растиньяк. – Надо,

чтобы твое имя стало известным среди этих миллионеров и знаменитостей. Если они одобряют какую-нибудь книгу, она становится модной, они выдают ей патент на гениальность. Если ты не лишен ума, – продолжал Растиньяк, – дитя мое, то фортуна твоей «теории» в твоих руках. Нужно, чтобы она стала известной в свете. Завтра вечером ты увидишь прекрасную графиню Феодору – самую модную женщину.

– Итак, до завтра!

Имя Феодоры звучало в сознании Рафаэля, подобно далекому отголоску. Ночью он не спал. За несколько часов он пережил целую жизнь, полную любви. К счастью, у него сохранился вполне приличный черный фрак и белый жилет. Он купил перчатки, нанял фиакр, – они съели его хлеб за целый месяц.

И вот, наконец, он увидел Феодору. Это была женщина лет двадцати двух. Среднего роста, одетая в белое, с веером из перьев в руке, окруженная мужчинами. Заметив Растиньяка, она приветливо улыбнулась, голос ее был нежен и вместе с тем звучен. Растиньяк принялся рассказывать ей о талантах Рафаэля. Его ловкость и самоуверенность обеспечили его другу теплый прием. Рафаэль встретил в этом салоне ученых, литераторов, министров в отставке, пэров Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.